

УРОВНИ

НАЧАЛО

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

МОНТАНА

Вероника Мелан

Вероника Мелан

Монтана. Уровни. Начало

Серия «Город»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69898519

Аннотация

Три девушки, три страны, три судьбы.

Жизнь румынки Ирине расписана строгой матерью поминутно, ей же, матерью, выбран институт, жених и дата свадьбы. И совсем неважно, что дочь задыхается от бесправия. Нелюдимая восемнадцатилетняя готка Тереза из Германии страдает из-за предательства парня, выбравшего встречаться с другой, непонимания в семье и насмешек со стороны сверстников. А россиянка Анжела злится из-за предательства юриста отчима, отнявшего после смерти матери дом.

Что общего у этих троих? Ничего. Но они встретятся, когда получат приглашение перебраться в Мир Уровней, когда им выделят на период испытаний одну на троих комнату. И перед каждой участницей будет стоять ежеминутный выбор – дружба или война? Помощь или предательство? И не окажется ли так, что тот, кто более всего закрыт, на самом деле имеет доброе отзывчивое сердце?

Читайте в новом романе «Монтана. Уровни. Начало»

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Уровень 1	5
Часть 1. Ангел	7
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	45
Часть 2. Ринка	78
Глава 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Вероника Мелан

Монтана. Уровни. Начало

Уровень 1

Монтана

От автора:

Удивительно, что писать книгу с названием «Монтана» – книгу, которая должна была стать первой в цикле романов про Уровни, – я начала ещё в 2012 году. Начала... и заморозила. Что-то не срослось, не склеилось тогда в воображении. Также удивительно, что книга, в которой главным героем выступал Дрейк, должна была, по моему мнению, следовать последней, завершающей. Так, по крайней мере, задумывалось. Однако «Игра Реальностей. Дрейк» была написана третьей. В общем, лабиринты писательской головы не предскажешь. И вот настал момент, – страшно подумать (более двенадцати лет спустя!) – когда я всё же возвращаюсь к «Монтане». Все эти годы, тихо или громко, она не давала мне покоя. Она шебуршилась где-то на задворках ума, изредка напоминая о себе сценами, которые могли войти только в неё. Я изначально знала, что сюжетных линий здесь будет несколько,

они будут запутаны или же переплетены между собой, и вот настало время узнать, как именно. Пусть вам будет так же интересно это читать, как мне это писать. И да пусть передадутся чувства со страниц прямо вам в сердце, аминь.

ПС. В скобках перед главами я всегда указываю музыку, под которую создавались отрывки.

Корректор: Мария Иванова

19.08.2022

Часть 1. Ангел

Глава 1

(LAYTO – Little Poor Me)

Земля. Саранск.

Анжела.

Он забирал у неё самое ценное – ключи от отчего дома. Пусть развалюхи, деревянной хибары, но места, в котором они с матерью прожили большую часть жизни, в котором она родилась.

– Ты не имеешь права! – орала Анжела так, что лопались, наверное, невидимые пузыри с атомными взрывами в соседних галактиках. Если она продолжит в том же духе, станет бордовой лицом, совершенно некрасивой. Последнее её не волновало. – Это мой дом! Наш с матерью! Он перешёл мне по наследству!

Должен был перейти.

– Завещание она переписала. – Отчим был невозмутим. Или же прекрасно играл в невозмутимый вид, который так хорошо удаётся всем юристам. – Они понимала, что для тебя так будет лучше.

Последнее прозвучало примирительным тоном, мол, давай поговорим, как взрослые люди. Но как сбавить интонации, когда у тебя отбирают нечто очень важное, единственно важное в жизни? Анжеле не верилось. Мать не могла... Она, конечно, уважала того, с кем жила последние три года, наверное, даже любила его по-своему, но чтобы ТАК доверять?

– Это... мой... дом.

– Ангел...

– Не зови меня!

Теперь Анжела сделалась черной лицом. Только мать называла её Ангелом. Она и только она. Для друзей она – Лика, для незнакомцев – Анжела. Для себя... Для себя – чёрт пойми кто. Но для этого урода она гремучая змея с ядовитой кровью.

– Как скажешь.

У Константина Юрьевича, упитанного холёного владельца конторы «Арестьянов и Ко», которого она ни разу – в свои сначала восемнадцать, а после двадцать один год – не смогла назвать «папой», серебристый пиджак. Отглаженная белая рубашка и потная шея. И еще эти глаза-буравчики.

– Уже через неделю я куплю тебе однокомнатную квартиру. Улажу формальности с документами. Тебе будет, где жить.

«Не на улице. Оцени мою доброту».

Доброту? Ухмылялся из-за спины её сводный брат Павел – будущий юрист в конторе отца. Тупой, по мнению Ан-

желы, как пластиковый манекен.

– ...возьму тебе хорошую студию в центральном районе.

«Что еще нужно?»

Если бы она могла скрутить чёрные молнии из ненависти, которую сейчас испытывала, то те обуглили бы не только несчастного отчима, толстого Пашку, но и соседскую мебель в квартире через стену. Её молнии бы проломили всё. Жаль, не в книжке, жаль – магии в этом мире нет.

– Однушку мне возьмёшь, значит?

– Ну, двушку не потяну. – Взгляд в сторону, врущий взгляд.

Через неделю ей придётся въехать в безликие бетонные стены, оставив в прошлом дом, где каждая половица, каждый квадратный метр – живая память? Да, пусть последний год мать в нём болела и всё больше лежала, но ведь память – это не только последний год. Это первые шаги, детство, занавески, посуда – это всё.

Нужно сказать «подавись ты!», но слова застревали в гортани, как сухие корки. Корки из глины, перемешанные с яростью. Их старый дом уже давно окружили многоэтажки. Как только соберутся строить торговый центр, сотка земли станет золотой. Нет, платиновой, вымощенной бриллиантами, и отчим превратится в миллионера. Это её деньги, её дом, это...

Бесполезно спорить.

Этот урод её уел. И, наверное, ей теперь придётся потра-

тить жизнь, чтобы отомстить ему.

– Я хочу там побыть. Хотя бы в последний раз.

Стыдно быть жалкой, но ещё раз ступить на скрипучий пол, вдохнуть запах старых ковров – ей это нужно.

– Не сегодня. Я скажу, когда.

Он что-то мутил. Недоговаривал. Он откровенное её нае%ал – сюда шло только это слово, – но что сделать девчонке без денег, без связей? Что сделать прямо сейчас? А потом, когда дом продадут, будет поздно. На уме останется лишь месть, годы, отравленные мыслью о праведном возмездии. Чудесная жизнь.

Ей хотелось сказать так много. Гадостей, чтобы жалили, чтобы выжигали в нём метровые дыры, как серная кислота.

– Где я буду жить эту неделю?

Анжела проиграла. Этот бой, этот день, может, всю жизнь наперёд.

– У друзей. – Плечи в сером пиджаке приподнялись. – У тебя же их много? Спроси у кого-нибудь...

У неё нет денег, нет работы, недавно она бросила институт – не смогла посещать лекции после того, как мать ушла, как прежний мир распался.

– На чужих плечах целую неделю?

Отчим понял, скривился. Достал бумажник, хотя Анжела говорила не об этом, ничего не просила, просто озвучила мысли вслух. Ей протянули четыре красноватые пятитысячные купюры.

– Этого хватит на отель.

Скривился за спиной отца Пашка, посчитал, что отец «прогнулся». И деньги выкинуть нельзя, других нет, не время гордости. А двадцатки хватит на паршивый отель.

Покидая квартиру «псевдоотца», в которой бывала за жизнь от силы пару раз, Анжела понимала, что родной дом уже никогда не увидит.

«Нас с тобой предали, мам».

Хотелось лить злые слёзы, как в детстве.

Ступеньки, ступеньки, пролёты дорогой многоэтажки. Ступеньки. Входная тяжёлая дверь; воздух сентября.

Сентябрь обманчив. Он быстро скрадывает свет вечерами и так же быстро остывает к ночи. Он ещё помнится почти летом, но смотрит уже в сторону зимы. Анжела куталась в тёмную куртку – подвид тканевой косухи. Ни шапки, ни шарфа – где вообще все её вещи? Верно, на Кленовой аллее, дом двадцать шесть. Старые ставни, крыльцо с прогнившей ступенькой; яблоня у забора. Не выламывать же окно ради тёплой кофты, не заматывать руку майкой, чтобы не пораниться, не объяснять же ментам, что она до сих пор там прописана... Приедет этот боров Аремьянов, покажет нужные бумаги. Возня, стыд, срам, хлам...

Она чувствовала себя старой. Ей двадцать один, а буд-

то уже видела все возможные сценарии своей жизни наперёд – где восстановилась в институте, где закончила его, где не закончила. Где встретила хорошего парня и родила детей, где не встретила. Ей казалось, она заранее видела вереницу лиц друзей и знакомых, чужих людей, собственную усталость по вечерам, работу, которая быстро превратится в нелюбимую. Как будто всё предрешено.

И хотелось сесть. Опуститься на лавку, перестать двигаться, позволить судьбе поглотить себя. Но Анжела достала телефон, какое-то время смотрела на список контактов.

Набрала номер по наитию – приютить её, наверное, могли несколько подруг, но выбралась почему-то Танюха.

– Тах, Тах... – Пришлось зажать ухо, чтобы лучше слышать. На той стороне людской гомон. – Ты меня слышишь?

«Слышу», – ответили ей. А следом: «Да, переночевать у меня можно. Только я сейчас на рэйсе, который на Юго-Западном, ты приезжай... Тут шумно. Или ключи заберёшь, или со мной потусишь...»

Тусить Анжела не собиралась. Ключи забрать – да.

Хорошая новость – ночевать ей есть где. Плохая – вся компания, с которой Таха болела на «рэйсе» – местной разновидности гонок на время, – перебралась кутить в хату. А хата двухкомнатная. В большой комнате собрали стол,

накрыли его, включили большие колонки. Нарезали салаты, расставили стулья, вскрыли бутылки с водкой, пивом, вином, шампанским – разнообразие Лику удивило. И народа набилось, как на поминки, – у длинного стола сидели и на углах, и с торца. Ржали над тупыми шутками, обсуждали водителей гонки, машины, галдели чужим адреналином, до сих пор, как ей чудилось, пахли газовым выхлопом. Парней человек шесть, остальные девчонки.

У Анжелы ныли виски. Ей бы завалиться спать, ей бы тишину, а не вот это всё. Почему толпа не уткнулась в клуб, туда, где музыка, где правильный вайбы, почему обосновалась «по-бабкински» за крытым скатертью столом с салатами, ведь на дворе уже давно не девяностые и даже не начало двухтысячных. Теперь молодняк не тусит дома, теперь в моде неоновые заведения, кальяны, мягкие диваны и полумрак. Но Тахе нравилось именно так. Она, Танюха Заворотская, душа сердобольная, поможет, на улице не оставит. Но и кислых морд не любит; Лика как могла делала вид, что тусняк ей интересен. Где-то кивала, где-то вымучивала улыбку; ковыряла салат.

Наверное, вечер бы не удался совершенно, если бы ни присутствие одного типа за столом – парня в чёрной футболке. Он отличался от остальных. Взглядом, за который Анжела иногда цеплялась как бабочка крылом за колючую проволоку, взглядом ровным, умным, но совершенно непонятным. И парень этот не шутил, не общался с остальными,

смотрел или на отбивную, которую резал вилок^{ой} и ножом, а после жевал. Или на Анжелу.

– Кто это? – не удержалась, спросила Лика хозяйку квартиры, подловила в ванной, когда сама отправилась в уборную. – В чёрном.

– А, этот красавчик? – Таха пахла спиртным как портовый разнорабочий. – А это тот, кто выиграл сегодня гонку, представляешь? Не знаю, как зовут, но водит, как бог. Грех было не позвать. Все девки по нему сохнут...

– И ты?

– И я.

Подруга из ванной завернула прямиком в туалет. Кажется, её тошнило.

Анжела смотрела на незнакомца из коридора, из укрытия, издалека, и всё никак не могла идентифицировать то, что чувствовала при взгляде на лицо с правильными чертами, на литые мышцы под майкой. Андрюха – Дрон, Рома Чердаченко, Елисей, встретившийся ей сегодня впервые – все они ощущалась размытыми. Изнутри. Размазанными, неплотными, несформированными. Их будто двоило и мутило течение реки жизни; так размывают глиняно-песочный пласт подводное течение. Парень в чёрном в противовес казался плотным, очень цельным. Уже сформированным, очень определённым. Эти слова казались странными ей самой, но иначе описать никак. Человека с цепкими глазами не «двоило» и не размывало, у него имелся стержень, недо-

ступный для остальных.

Наверное, она слишком устала, раз начала думать неясными ей самой терминами, наверное, нужно забраться на кровать, забросанную чужими вещами, уткнуться в норе как крот, попробовать уснуть. Дебильный день всё-таки, следующий, возможно, будет таким же. Сделалось прогоркло.

Но сначала на площадку покурить.

Следовало найти отель – вот о чём она думала, щёлкая дешёвой зажигалкой. Не мучить себя ожиданием конца вечеринки, не слушать басы, сотрясающие стены, не ждать, пока возмущённая соседка позвонит в полицию, пожалуется на шум и толпу разгонят. Надо просто одеться, выйти на улицу, достать телефон, вызвать приложение «Карты»...

Молчаливый подъезд, тёмные пролеты. Единственная работающая лампочка находилась двумя этажами ниже. Лица собирались курить в одиночестве – хоть какое-то успокоение. Но две затяжки спустя кто-то толкнул сначала внутреннюю дверь квартиры – музыка сделалась громче и приглушилась вновь, – затем внешнюю.

И она узнала его за те пару секунд, на которые высветился абрис его фигуры, – незнакомца в чёрной майке. Она ещё за столом думала о том, что на нём темная футболка, как и на ней. На них обоих серые джинсы, ремни с массивной пряжкой. Будто они игроки из одной команды. Только он «мужская часть сборной» ростом выше метра восьмидесяти,

а она «женская», более миниатюрная, ростом в один семьдесят два. Чтобы их объединить, не хватало только нашивок на рукавах.

Она стояла, прислонившись поясницей к перилам, он оперся спиной на стену. Прикурил. И вновь на мгновение высветилось его лицо, его правильные черты.

«Он в её вкусе? Не в её?»

Что-то не позволяло его оценивать с точки зрения одной лишь внешности, смущала и напрягала внутренняя составляющая. Казалось, та самая бронебойная цельность, которую она ощущала в комнате, теперь затопила тьму подъезда, замерла на площадке вместе с ним.

И тишина. Они курили молча. Это нервировало и в то же время радовало. Двум никогда не встречавшимся ранее людям вовсе не обязательно говорить, как полагают многие. Вежливость – пшик, придумка общества.

Лица вновь ковырялась в странном чувстве – рядом с безымянным типом она чувствовала себя младше. Неувереннее.

Ещё несколько затяжек, после бычок в пол – она унесёт его, потушенный, с собой, выкинет на кухне в мусорку, чтобы не сорить, – и пусть длится тишина.

Но тишина не продлилась.

– Тебе скучно здесь.

Его голос был «бархатным». Спокойным, как она и представляла, звучал не высоко и не слишком низко. «Как раз» –

если бы её спросили о предпочтениях в мужских голосах. Но смысл, скрывающийся за утверждением-вопросом, показался ей неожиданно глубинным. Скучно «здесь», на Земле. В этой жизни. И она встrepенулась – он не мог знать... Просто случайно попал в цель, просто она трактовала слова по-своему. Он, конечно же, о вечеринке.

– Тебе тоже.

Мрак скрыл его улыбку, но Анжела почувствовала её. Улыбку-награду, мол, рад, что ты заметила.

– Я Дэн.

Ей не нужно было его имя, не нужно было продолжение знакомства. Красивых парней в мире много, сейчас ей попросту не до них, жизнь и без того в дерьме. Настроение чахлое, как движок без бензина. Сплошная мозговая усталость.

Сказать в ответ своё имя? Лица? Он не друг... Анжела? Слишком официально. Обойдётся.

– Дэн – это производное от Дениса?

– Считай, что так.

Бесили такие ответы. Ни о чём.

– Ты из тех парней, которые никогда не отвечают прямо? Типа, как агент спецслужб, весь из себя обтекаемый и загадочный?

На неё смотрели пристально. С каких пор она начала чувствовать порами кожи?

– Я просто человек.

Никакой задиристости в ответе. Ни игривости, ни стали,

ни попытки заинтриговать.

– Чем занимаешься, человек? – раз уж разговорились, нужно продолжать.

– Разными вещами. – «Ну да, как она могла усомниться. Если уж начал загадками, продолжит тоже». – Выигрываю гонки в том числе.

– Молодец.

Это «молодец» должно позволить ощутить ему её болт, положенный на беседу. При затяжках высвечивались его красивые губы, кончик носа, совсем немного глаза.

– Помогаю людям, попавшим в сложные ситуации.

Психолог? Не похож.

– Мне не нужна помощь.

Нужно было затушить сигарету и уйти.

– Нужна. – И опять слово, как чистое знание. Как будто этот самый Дэн совершенно точно знал, о чём ведёт речь, как будто никогда не ошибается, не бьёт мимо. – Ты стоишь на развилке, Анжела.

Она совершенно точно не говорила ему своего имени. Может, кто-то из знакомых? Ведь она спрашивала о нём, почему бы ему не спросить о ней.

Стоит, да. Вдруг сгустилось странное чувство, что он знает о ней больше, что понимает её боль, что ему не всё равно. И стряхнуть его не получалось; настигло ощущение, что она младше, слабее, что пришел тот, кто может защитить. Лица попыталась взбрыкнуть мысленно и удивилась,

когда не смогла.

– Тебе хочется уехать отсюда, ведь так? Забыть прошлое.

– Ты что, «колёса» предлагаешь? – взбесилась рьяно. –

Мне наркота не нужна...

Куда еще он предлагает ей уехать? В какое «забытьё»?

Есть такие мудаки, помогающие шатким сознанием людям подобным методом. Они, словно ястребы, чувствуют, когда нужно спикировать вниз, схватить цепкими когтями. Не хотелось думать, что Дэн такой, но...

– Я не толкаю наркоту. Вообще с этим не связан.

– А с чем тогда?

Её продолжала накрывать его аура стабильного спокойствия. Она расслабляла, как тёплое одеяло после уличного холода. Не увернуться, да и не хочется.

– Скажи мне лучше, чего ты хочешь? – пауза. Он ответил сам. – Изменений. Ведь так? В правильную сторону.

– А кто их не хочет?

Это как с гороскопом. В какой знак ни ткни фразой «день сложится удачно» – всем подойдёт.

– А чего ты боишься? Скажи мне.

Красивый всё-таки голос, правильный. Почему-то он проникал глубоко, воздействовал на спящие до того рецепторы – в Лике будто просыпался кто-то до того дремлющий. Внутренние глаза, ясность. И неуместное доверие.

– Того, что всё останется, как есть. Залипнуть...

В этом дерьме, в чувстве мести. В бессмысленности, ба-

рахтанья в которой ни к чему не приведут. Ответила честно, сама от себя не ожидала. Хотя чего бояться? Её ответ такой же «ни о чём», как до того его. Все опасаются бесцельности, неэффективных телодвижений, ошибочных векторов, жалости от времени, потраченного не на то.

– Я могу забрать тебя в другое место. Мир.

Мозг тут же начал придумывать про проституток в Арабских Эмиратах, а Лике захотелось ужалить ответом про «сказочников», вещающих лапшу на уши, про попаданок, которые случаются только в экземплярах пустой букинистики, заполнившей ныне полки книжных магазинов... Но она не успела.

– Только я должен выяснить, подходишь ли ты нам.

Она почему-то закрыла рот.

Фраза выбила её из «полета» мысли, она задала не ту траекторию, перечеркнула яркий ещё секунду назад запал возражать.

Он говорил серьёзно. Этот Дэн. Он не вешал ей лапшу на уши, он непостижимым образом заставлял верить в правдивость своих слов.

– Подхожу...? «Вам»?

Глупое слово. И сплошное непонимание.

– Один поцелуй всё прояснит. Твою чувствительность. Восприимчивость – это главный параметр.

Восприимчивость к чему? Она ведь не собирается целоваться с незнакомым парнем в подъезде? Её не шестнадцать,

у неё голова не забита не тем. Это что, новый метод подката?

– Я не буду... с тобой целоваться.

– Почему? – Бесхитростный простой вопрос. – Ты всё поймёшь... после.

– Я... нет.

Они поменялись местами. Потому что Дэн затушил окурок возле перил, а она собиралась обратно в квартиру, но по какой-то причине прижалась спиной к стене.

– Боишься одного поцелуя с незнакомцем?

«Что ты теряешь?»

В этот самый момент она ощутила, что на самом деле никогда не желала так кого-нибудь поцеловать, как сейчас его. Наверное, всё-таки пропиталась, как остальные девчонки, мёдом, глядя на мышцы под майкой. Почему сама этого не заметила?

Человек, чьё имя, наверное, было даже не «Дэн», сделал шаг навстречу. Он вдруг оказался так близко, как она не собиралась допускать, провел костяшками пальцев по её щеке. *Как будто готовил.* Он, оказывается, пах лосьоном – не слишком резко, и запах оказался «правильным». Захотелось забыть про подъезд, про странные слова, прозвучавшие на площадке минуту назад; опять навалилась смесь ощущений: «Я младше, слабее. Я беспомощнее». Откуда? Она такого раньше с парнями не испытывала...

А касание его губ оказалось патокой. Анжела расплавилась. Она почти услышала щелчки открывающихся внутрен-

них дверей, поняла, что вся её защита оказалась перед этим мужчиной пластиковой, свалилась на пол. И вот она стоит перед ним голая, допустившая, желает, чтобы он поцеловал глубже. И Дэн поцеловал – мозг разорвало. *За ним хоть на край света. Она позволит ему прижать её ладони к холодной стене, она впустит его везде, куда он попросится, она забудет, если попросит о том, как её зовут...*

Он отнял свои губы, и ей захотелось визжать по-детски, обиженно. Ещё неистовее, чем хотелось сегодня после ухода от лжеотца.

Накатил холод, пустота, одиночество. Ярость от того, что она перестала себя контролировать, изумление от яркости оттенков испытанного, жадность до продолжения.

– Тыходишь, – констатировал Дэн с ноткой жёсткости. «Подходит кому? Чему?»

Ей только что снесло башку. Такое бывает? Нужно срочно разобраться, уединиться, сбежать. Она не понимала, что чувствует, думает, делает. И потому Лика кинулась в квартиру, за спасительную дверь. Сбежала позорно, окунулась в громкие звуки музыки с отвращением, граничащим с тошнотой.

Забыла про то, что собиралась искать отель; захлопнула за собой дверь спальни, рухнула на кровать, за гору чужих, сваленных друг на друга курток. Зарылась лицом в подушку, пахнущую чужой кожей.

Что это только что было? Там, в подъезде?

Нутро продолжало рвать от противоречий. Чтобы не вы-

скочить на чёртову площадку, не начать расспрашивать о подробностях, не скулить от желания почувствовать «такой» поцелуй ещё раз, Анжела вжала собственную башку в наволочку. Сцепила руки замком, прикусила губу.

Слишком много для одного дня. И она не позволит странным чувствам, которые неспособна распознать, толкнуть её к совершению необдуманных поступков.

Хуже всего, что мысль-знание о существовании еще какого-то мира засела в голове, как всегда там и была. О существовании реального. Другого. Мира. Она была чужой мыслью, но проникла, как вирус, передала новые ДНК и цепочки знаний.

Бухала музыка из зала; кто-то орал с балкона, кто-то танцевал.

Глава 2

Она проснулась с ещё худшей головной болью, нежели испытывала накануне. И да, чёрт возьми, она умудрилась отключиться посреди гама голосов, играющей за стенкой музыки, неумолкающего хаоса чужого веселья. Отлепила себя от неудобной, слишком плоской подушки, поняла, что часть курток спихнула на пол, свесила ноги на пол, чувствуя себя старухой. И почему-то сразу подумала о Дэне.

На часах половина двенадцатого, звонить другим людям в поисках пристанища уже поздно, но и здесь оставаться сил нет – Ангела, пошатываясь, вышла из спальни туда, где прямо по коридору мимо тусклых обоев плыл сигаретный дым.

Её не замечали. Как призрака, как человека из другой реальности. Осоловелые от алкоголя глаза гостей, чьи-то пьяные обнимашки, разговоры с недовольным надрывом «за жизнь», несущиеся с кухни. Она обошла всё, выглянула на балкон. Остановила тощую и высокую девчонку в коридоре, имени которой не знала, спросила:

– Где он, Дэн?

– Какой Дэн? – девчонка не была способна запустить мыслительный двигатель. Тушь под её глазами размазалась – жалкий, потасканный вид.

– Парень... Крепкий, в чёрной майке, серых джинсах... Сидел вот тут, – она махнула в сторону стола, левую его

часть, где теперь громоздились только пустые грязные тарелки.

– А... этот... – Незнакомка стояла, шатаясь. – Ушёл. Минут пятнадцать назад. Может, полчаса...

И она побрела куда-то дальше.

(Empara Mi – Wygd (Зам))

«Ушёл»

Анжела сидела на пустой автобусной остановке в незнакомом районе. Тихие дороги, отсутствие машин. Вполне новые, отличающиеся от пошарпанной дороги, фонари. Ныли виски. Её не покидало ощущение подавленности, теснила попытку быть оптимистичной безнадёга. Та самая, ставшая ей соседом после ухода от отчима, наваливалась жирным брюхом, мешала дышать. И казалось, Лику коснулась волшебство. На мгновенье. Явило собственный лик, коротко глянуло в сторону Анжелы и отвернулось, понеслось прочь.

Этот странный парень... – он что-то мог. Помимо чувств, напрочь сорвавших её башню, теперь помнились другие. Дэн её сканировал. Как будто. Оценивал внутренние параметры, бороздил невидимым сенсором то, что гадалки называли аурой. Может, что-то ещё. Он о чём-то знал, о потайном, был в курсе её настоящих чувств, предлагал ей... Какая

разница теперь, что он предлагал? Его нет, он ушёл. Она сбегала и уснула, он покинул чужой дом.

Теперь однозначно только по прямой в тусклое будущее; сияющая дверь, пусть даже сказочная, пусть даже Лика в неё не верила, захлопнулась, погасила свет, льющийся из щели.

Ныли не только виски, ныло сердце. Привычно, потихоньку. И то самое сердце с пороком от рождения, из-за которого Анжеле запрещали волнения, нагрузки, спортивные практики, шептало о том, что волшебство было. Как в детстве, когда ты всё-таки веришь, когда всё настоящее.

Стылый воздух; разбитое нутро.

Лика достала телефон, вызвала приложение «Карты», ввела в строке поиска «Отель», нажала «поблизости...» Попыталась вспомнить, сколько денег у неё на карте, хватит ли на такси, после хмыкнула – отчим же дал наличку. Доедет.

Гостиница «Рассвет».

Здесь было «почти ничего». Нормальная комната, нормальное убранство, тишина, вежливый персонал. Однако эти стены – не дом. Перекантоваться до утра, а там снова куда-то – врезаться разумом в реалии, жмуриться от слепящего света возможностей, до которых – возможно – годы. Наверное, хорошо, что номер ей достался двухместный – кровать широкая, комната квадратная. Не вагон, как остальные.

Почему-то не хотелось больше спать, не хотелось включать телевизор, доставать телефон. Ни соцсетей, ни ново-

стей, ни фотографий чужой жизни. Зачем телефон, если смс от самого дорогого человека уже никогда не придёт?

Она просто сидела в кресле, понимая, что безвольную пешку течение реки жизни однажды прибьёт к неприветливым берегам. Чтобы этого не произошло, нужно бороться, нужно восставать. Опять. И ещё это больное сердце, не желающее усилий, сопротивления, бунта. Как быть?

Ответов не было.

(ToniBraxton – FairyTale)

Когда кто-то тихо постучал в дверь, Лика решила – администратор. Кто ещё может нарушать покой гостей, помимо персонала? Уборщица? Официант? Она ничего не заказывала. И, когда не дожидаясь приглашения, (оказывается, она забыла запереть) в комнату вошёл Дэн, Анжела испытала сразу такой спектр чувств, что напонила себе освещенную лучом фонаря призму. Тонну облегчения, будто с груди в сторону сдвинули состав. Нет, не то, что бы она поверила хоть одному его слову, но рядом с этим человеком её восприятие становилось другим, легче. Пусть он побудет рядом с ней ещё, пусть говорит, пусть рассказывает странное. Она просто послушает. Конечно же, не согласится никуда идти, покачает головой, но вдруг – пусть чуть-чуть и неожиданно, – вновь поймает отсвет из таинственной двери, вдруг вновь нахлынет ощущение волшебства?

– Привет, – поздоровалась обыденно. Мол, конечно же, я тебя ждала. *Не думала, что отстанешь так просто.* И сколь бы ни был фальшив её безразличный вид, столь же честной и искренней была радость от его появления.

– Привет, Ангел.

Она почему-то не удивилась, что он назвал её «настоящим именем» и даже не испытала раздражения. На этот раз гость был с сумкой, куртку он бросил на стул. Всё-таки высокий, всё-таки симпатичный, очень приятный взгляду. И да, чёрт её дери, не было бы в эту самую минуту никого другого, способного мгновенно привести её в неуместный, но искренний восторг. Пусть он никому не ощутим, пусть надёжно спрятан под рационализмом и практичностью.

– Будешь меня уговаривать пойти с тобой?

На неё бросили короткий взгляд – конечно же, вместе с ним в комнату вошла та целостность, из которой неведомый Дэн состоял, его спокойствие, уверенность.

– Попробую.

Он даже не стал врать.

Достал из сумки что-то большое и плоское – лэптоп? Не стал подсоединять к розетке, раскрыл, нажал кнопку загрузки. Пояснил.

– У меня сорок минут, не больше.

– Что будет, когда они истекут?

– Мы отправимся в путь, потому что запланирован Переход. С тобой. Или без тебя.

Она так и хотела. Просто слушать его, пусть говорит всё, что угодно. Размышлять об этом, анализировать каждое его слово она будет позже, у неё будут на это месяцы, годы. Сейчас просто «игра».

И только в этот момент она заметила, что на ноутбуке странного вида клавиши. Сенсорные, не имеющие физического основания или выпуклости. Наверное, прогресс ушёл далеко вперед, наверное, она за ним не следила. Кнопки необычные, символы на них нечитаемые. Чтобы убедиться в этом наверняка, нужно подойти, а подойти – означает выдать собственное жадное любопытство.

– Скучала по мне?

Дэн не смотрел на неё, он смотрел в экран, а ей опять померещилось, что он всё знает. Потайное, сокровенное, и ему всё равно, что на её лице сарказм.

– Скучала. – Она не стала обманывать тоже. – Ты так ладно говоришь...

«Врёшь про этот свой мир»

Он, как ни странно, не казался ей ни психом, ни обдолбанным, ни неадекватом. Ни фанатиком, ни последователем какого-либо течения. Хотя много она их видела?

– Что ж, давай я тебе всё поясню. Тогда ты уже сделаешь выводы.

«Надеюсь, верные».

Он сел на стул напротив, и она почему-то порадовалась, что комната не тесная, можно сказать, «презентабельная».

Не стыдно.

– В том мире, откуда я, классификация людей чуть иная, нежели здесь.

Анжела даже прикрыла глаза. Она приготовилась внимать его словам, как дети слушают сказки, когда начинают шуршать дорожки пластинки на проигрывателе.

– У нас очень много мужчин, более прокачанных энергетически. И им требуются женщины, которые могут соответствовать. Таких не много в любом из миров, это особенное умение гибко воспринимать чужую мощь. Не ломаясь.

– И я такая?

– Ты такая.

Ей почему-то было приятно. Как будто Лике только что сообщили: «В этой сказке ты будешь принцессой, у тебя будет красивое платье и корона». Ну, хоть где-то. Она даже позволила себе понежиться в этом чувстве. А после подумала – а ведь он прав насчет «прокачки». Он сам... другой.

– Ты... из таких?

Открыла глаза и наткнулась на его прямой взгляд. Его глаза того цвета, когда не поймёшь – коричневатый это оттенок, болотный или зеленоватый.

– Я, – отозвался Дэн после паузы, – очень... сдержанный пример того, с чем ты столкнёшься в будущем. Тебе будут встречаться гораздо более развитые мужчины в ментальном и эмоциональном смысле. Гораздо более сильные экземпляры.

Его, как ни странно, не уязвляло знание о том, что «кто-то где-то там» сильнее него. Наверное, это правильно, подумалось ей, быть не самым сильным, когда остальные «супермонстры». Ведь тогда для нас, земных женщин будет слишком сильный контраст. И встрепенулась – она уже согласилась верить его сюжетной линии? Часть её сознания ввязалась в игру, липово кивнула – «всему верю». Ладно, пусть так.

– И мы, женщины, значит, не все одинаковые?

– Увы. Если такому мужчине дать в пару «обычную», примитивную даму, он её сломает. Не физически, конечно. При... «вхождении».

Ли́ка сама не знала, откуда она уловила смысл слова «вхождение», но оно однозначно не имело ничего общего ни с банальным сексом, ни с половыми органами. Дэн имел в виду некое «слияние», то самое, которое частично произвел с ней в подъезде. И это от него она испытала экстаз и потеряла все щиты. Зрачки её глаз расширились – он заметил. И продолжил:

– У нас таких женщин не хватает. Мы их ищем. Ведь мужчинам нужна пара, иначе возникает дисбаланс.

– И ты всех целуешь? – спросила Ли́ка невпопад.

Дэн с ответом медлил.

– Не всех.

Она не стала спрашивать, когда «да», когда «нет» и по каким параметрам он принимает решение. Ей почему-то было

хорошо. В этой комнате, в этом кресле. Рядом с ним. Взялось откуда-то игривое настроение:

– Ты увезёшь меня силой, если я откажусь?

Ей бы бояться. Вдруг перед ней настоящий маньяк?

– Нет. Применение силы запрещено нам законодательно.

– А если бы я тебе понравилась? – её куда-то несло. Наверное, не туда. – Если бы ты в меня влюбился, всё равно бы не увёз силой?

– Если бы я в тебя влюбился, Анжела, я бы остался с тобой здесь. Но увозить силой никуда не стал бы. Комиссия за это карает.

Она не стала спрашивать о том, кто такая эта Комиссия, хотя ей в голове представился священный круг, двенадцать Избранных с посохами и высокими шапками, руна на полу. Бред из книжек. От слова «Комиссия», однако, тянуло прохладцей.

– Значит мне ничего не грозит?

– Нет. Ты в безопасности.

Загрузился тем временем ноутбук, и случилось то, что её впервые и по-настоящему потрясло. В мониторе не было экрана. Был провал, дыра. Рамка, а далее... как будто объёмный кадр из фильма. Наверное, ей хватило бы и этого, чтобы зависнуть, но Дэн поднялся со стула и сделал то, от чего её физически замутило – он потянул за угол монитора. И тот расширился до состояния огромного окна. Полметра на метр? Больше?

Из этого окна тянуло ветром. Не иллюзия, не галлюцинация. Оттуда тянуло запахом трав, цветов, сырой после дождя земли. Анжела видела холм – пологий отсюда и верно более крутой чуть дальше, – переливающиеся огни небоскрёбов на горизонте. Далёкие абрисы высотных зданий незнакомо города. Мира?

– Что ж, знакомься...

Она не дослушала.

– Там... дыра. – Ей хотелось и не хотелось встать и просунуть туда руку.

Дэн уловил.

– Сделай это. Потрогай всё. Ты можешь даже туда вылезти, это разрешено. Это специальная местность сопряженных территорий, нейтральная местность.

– Твой... ноутбук...

– Это не ноутбук. Это прибор, который позволяет сдвигать между собой частоты миров, синхронизировать их, сближать, если хочешь. И ты начинаешь видеть глазами то, что обычно не видишь.

Кажется, она ничего такого не курила и не пила. Ни таблесток, ни наркоты... Анжела едва полбу себя не стукнула – она вообще никогда ничего такого не принимала. Сердце. Курево, за которое её ругала мать, – это единственная блажь, которую она себе в жизни позволила и от которой не желала отказываться. Наверное, мать протянула бы дольше, если бы они по этому поводу не скандалили – болезненная мысль.

– Я... прости... – Она всё-таки поднялась с кресла, не удержалась. Неуверенно обогнула стол – с обратной стороны экран рябил, дырой не делался. Вернулась и, чувствуя себя в высшей степени неуверенно, сунула руку... в ничто. В воздух. Может этот воздух и являлся частью воздуха комнаты – идеальная галлюцинация, – но он был прохладнее.

– Можешь засунуть туда лицо. – Повторил Дэн, и Анжела, повернувшись, не увидела в его взгляде ни насмешки, ни цинизма. Лишь отпечаток скуки. Как будто то, что он делал и объяснял сейчас, Дэн проделывал в прошлом десятки раз. И видел море разных эмоций от таких, как она.

Ей было это нужно. Если уж дуреть, то конца, то честно. Если уж убеждаться, то искренне. И она, преодолевая мозговое сопротивление, сунулась лицом в «окно», влезла в него по плечи. И обомлела.

Мир был другим – подсказывало ей неведомое шестое чувство. Воздух был другим, что-то неуловимое. И запаха трав, который она теперь вдыхала так явственно, просто не могло быть в душной комнате. Даже с применением освежителей, ароматерапии. Совершенно реально мерцал на горизонте далекий город, ей ощущалось расстояние и марево. Виделся сгустившийся в лощине туман.

Она вернулась в комнату, как наркоман, только что лицом к лицу встретившийся с Господом, ошеломлённая рухнула обратно в кресло. Нет, вылезать туда она не будет. Ни за что...

– Сделай... его снова... маленьким. – Попросила хрипло. Про «окно». И Дэн кивнул – взялся за угол, как и в первый раз, вернул монитор, или чем бы эта штуковина ни являлась, в исходное состояние.

Наверное, впервые Анжела ощутила, что она не в сказке. Что тот, кто находится в комнате вместе с ней, не несёт бред. Несёт, конечно, что-то... Но «бред» его слишком явственный, чрезвычайно натуралистичный. А она как будто хлебнула пару литров пива – на душе смятение, сознание расплзлось, неспособное объяснить происходящее, ум весёлый, лёгкий.

– Как называется... этот город.

– Монтана.

Ей сделалось смешно.

– Монтана?!

– Да. Один из ваших соотечественников, увидев этот скайлайн, выдохнул «Совсем как Монтана». И приклеилось. Название менять не стали, вашему восприятию так удобнее.

– Но это... не американская Монтана?

– Нет.

Внезапно пересохло в горле. Стало вдруг ясно, что отсвет волшебной двери был настоящим, и что придётся либо давать полный задний ход, либо допустить... Допустить в голову нечто совершенно иное. Существование других миров, например.

Она молчала. Утекали Дэновы минуты, выделенные из тех

сорока, но её не перебивали.

– Он... настоящий, – прошептала она повержено и недоверчиво.

– Совершенно верно.

И вновь показалось, что Дэн видел такие реакции, как её сейчас, не единожды в прошлом.

– Как называется... этот мир?

– Мир Уровней.

– Уровней? Как игра?

– А ты думаешь, что твой мир – не игра?

Многослойный ответ, очень серьёзный. И Лика растерялась.

– Вы ищете туда только женщин?

– Нет. Мы отбираем для приглашения к нам различных людей по разным параметрам. В тебе нас привлекла женская восприимчивость. Я говорил.

Говорил, да, хоть Лика мало что поняла, разве что что-то на уровне интуиции. Теперь ей казалось, что она спит и видит сон. А если так, то можно спрашивать что угодно.

– Я должна буду сдохнуть, чтобы туда попасть?

Впервые взгляд Дэна изменился, брови приподнялись в удивлении.

– Зачем? Для чего нам на той стороне труп?

– Ну... так пишут во всех фэнтезийных книгах про попаданок. Надо сдохнуть тут, чтобы оказаться там в чужом теле и сознании.

Мужские брови нахмурились.

– Бред.

Ей тоже всегда казалось подобное бредом. Если уж перемещаться, то в собственном теле. И зачем умирать?

– А сколько всего... Уровней?

– Подробную информацию тебе предоставят после перехода. Покажут, где жить до и во время прохождения тестов, объяснят всю вводную информацию.

– Тестов?

Ей еще нужно будет проходить некие тесты? Психологические?

– Да. Комиссия собирает на новичков данные.

Да, опять Комиссия.

– Что это за орган правления такой?

– Всё на месте, Ангел. Времени у нас осталось немного.

Он не торопил, не нервничал, как коммивояжеры, силясь не упустить «клиента». Он констатировал факт.

– И сюда я уже не вернусь?

Она действительно об этом спрашивает? Она ведь не собирается...

– Вернёшься. Если выкажешь такое желание, то можешь бросить тесты в любой момент и тебя вернут на Землю. В целости и сохранности. Если это произойдёт позже, тебе будет достаточно умереть там, чтобы возникнуть здесь.

Значит, где-то сдохнуть всё-таки придется.

– А время? – спросила она неопределённо, ощущая себя

героиней старого фантастического фильма «Человек Муха». Почему этого – сама не смогла бы ответить.

– Время на той стороне идёт не так. Если ты умираешь на Уровнях, обратно сюда возвращаешься в тот же день, из которого ушла.

– И снова встречу тебя? Как в Дне сурка?

– Меня уже не встретишь. Я приглашаю лишь один раз.

«Таково условие»

Он снова не кичился, не пытался зазывать. Он просто объяснял.

– Но... зачем мне это? Зачем это... мне?

Дэн даже не запнулся.

– Ты получаешь практически бесконечную жизнь. Времени нет, старения нет...

– Болезни?

– Есть. Проходя по Уровням, ты получаешь опыт, возможность испытывать себя в желаемых ролях. Ты становишься мудрее, меняешь своё мировоззрение, и оно сохраняется с тобой при обратном переходе. Ты ничего не теряешь. В прямом смысле. Даже ничем не рискуешь.

– Бесплатный сыр...

– Здесь вообще нет сыра. Нашим мужчинам нужны женщины с повышенной чувствительностью. Это обеспечивает обе стороны гаммой эмоций, которые здесь испытать невозможно. Не с вашими местными... представителями.

Он нажал на запретное. На нечто правильно, впрочем,

не в первый раз уже. Как часто Лика думала о том, что все отношения с парнями у неё какие-то плоские, что ей чего-то не хватает? Той самой «мощи», неведомой ауры силы, глубины, некоего слияния...

– Дэн, ты ведь не шутишь?

Наверное, до неё в полной мере начало доходить это только теперь.

– Нет. Дай мне руку.

Он протянул ладонь, и впервые в его глазах возникла насмешка. Мол, смелее, ты ведь меня уже целовала.

Касание пальцев, она накрыла его ладонь своей. Вновь ощутила то, что уже ощущала от соприкосновения с ним – в неё перетекало чужое знание. И чувства. Ощущение правдивости сказанного им – Дэн не солгал ни в одном слове, – ощущение лёгкой усталости. И ещё коснулся души тот мир, другой. Который до сих пор виделся в окне.

Настало время решать. По-настоящему. Вот тебе и сказочка, в которую она решила «чуть-чуть поверить». Вот только «чуть-чуть» не вышло – тут или «да», или «нет». Уйди он сейчас, и она никогда не забудет эту встречу и свои ощущения, лишь будет брести следом тоска от упущенной возможности. И всё же слишком силен рационализм. Не все технологии можно объяснить, и галлюцинации, наверное, можно вызвать многими методами – ей ли ни знать после просмотренной фантастики.

– Ты ждёшь, что я скажу... «да»?

– Это твоё решение, Ангел. – Он даже не пытался дать. – Это твоя жизнь.

– А как же... отчим? Всё... здесь?

– Всё останется таким, как было до твоего возвращения.

Хитросплетение временных формул – это возможно?

Она знала из чужих ощущений, хлынувших в неё при касании – да.

– Ты каким-то образом передал мне часть... себя.

– На Уровнях возможно и не такое.

А здесь нет. Здесь ни волшебства, ни магии. Даже прогресс, и тот едет чахло. Анжеле всегда хотелось знать, что телепатия существует. Что возможна левитация, что-нибудь ещё...

Но она колебалась внутри, как маятник во время землетрясения. Поняла вдруг, что решает всё одна, сама, сейчас. Что в её пространстве на самом деле никого нет – только её вера в невозможное и логика. Первая понимала, что для того, чтобы увидеть что-то на иной частоте, нужно допустить таковые в разум. Хотя бы иные мысли. Логика твердила отыскать объяснение, дать задний ход, упереться.

– Я должен идти. – Дэн поднялся, ей стало страшно. Сейчас снова закроется та невидимая дверь, заберёт с собой свет, и станет холодно. – У меня в запасе пять минут, Анжела.

Он не будет её упрашивать и уговаривать. Маньяки и психопаты так себя не ведут. И нет, он не играет роли, не притво-

рятся. Он действительно просто закрывает этот чёртов внеземной ноутбук со странными символами, сложит его в сумку и покинет номер. Где она останется одна уже насовсем.

– Если ты уйдешь, уже никогда мне не встретишься?

– Нет.

– Это тоже... запрещено?

– Это негласный закон. Мы приглашаем один раз.

– А бабок тоже? Дедов?

Зачем ей это знать?

– И их, если человек изъявляет намерение пройти на закате жизни иной опыт, что-то постичь. У нас подобные намерения улавливают специальные слои. Ими руководят отделы Комиссии.

Значит, бабки тоже...

– Кстати, – прежде чем закрыть «лэптоп», Дэн нажал на непонятной клавиатуре какие-то кнопки. – Он уже купил тебе квартиру. Ещё неделю назад.

– Кто?

– Отчим. Вот она. Вид из твоих будущих окон.

Пропала «Монтана», экран ноута стал нормальным, привычным. И Лика увидела серые стены однушки. Без отделки, без каких-либо декоративных работ. Дэн отодвинул ракурс, и стало ясно, что однушки эта – даже не студия, просто мелкая коробочка для клопов. Очень тесная и унылая. Но хуже всего вид, называющийся «окна в окна» – следующая многоэтажка стояла с транслируемым домом несоразмерно близ-

ко.

– Это же... ужасно...

Анжела даже забыла спросить, откуда Дэн знает про квартиру. Уже допустила «он просто откуда-то знает».

Она впадёт в депрессию среди этих стен. Она зачахнет, глядя на бетон, она... Ей стало плохо.

– И вот район.

Еще один жест, пара нажатий, и Лика узнала окраину Саранска.

– Он же обещал... в центре?! – возмущению не было предела.

– Он соврал. И выкрутится, когда ты начнёшь об этом спрашивать. Это случится через четыре дня.

– Послушай, если ты меня обманываешь... – остатки её логики цеплялись за мысли, как нежные руки за острые камни.

– Обманываю ли я тебя, ты узнаешь ровно через четыре дня. Ключи уже у него в кармане. Тебе осталось дожидаться их вручения.

Он уходил. Упаковал «ноутбук» в сумку, взял со спинки стула куртку – у него на исходе время. И весь его вид говорил: «Если тебе не хватило доказательств и моих объяснений, то это уже твоё дело».

– Дэн...

Лику рвало на части. Смешались вдруг в шторме страх перед неизвестностью, ужас совершить ошибку всей своей

жизни и отчаяние от того, что этот незнакомец в чёрном может оказаться прав... Ей жить в такой квартире? Отчим опять наврал? Она не сможет устроить быт в этих унылых стенах, она потеряет остатки себя.

– Да?

Он повернулся уже на пороге.

Анжела поднялась с кресла. Вновь маленькая, неуверенная – щепка посреди урагана. Хотя всегда считала себя сильной.

– Что?

Она подошла к нему близко-близко. Знала – попросит что, о чём никогда не просила.

– Поцелуй меня. Ещё раз.

Он понял, что именно ей нужно – вновь почувствовать те ощущения. Проверить, не вымысел ли. Потому что если уж идти туда, куда тебя тянет, то только с уверенностью, что найдёшь это.

Куда-то исчезла сумка из его рук и куртка. Её щек коснулись мужские пальцы. Ещё не губы, а Лица уже тонула в этом – в некой стабильности, в странной покорности, которой счастлива подчиниться. С безысходностью радовалась подгибающимся от его близости коленям. Когда Дэн поцеловал, когда непостижимым образом снова шагнул «в неё», опять услышала, как отщёлкиваются замки, ощутила себя обнажённой. Готовой отдавать, принимать, открытой. А она не была открытой лет с пятнадцати, когда прочувствовала

одинокчество. Может с восьмью, когда ушёл отец...

Он оторвался от неё очень мягко, очень бережно. И сохранилась внутри мужская энергия, дарящая стабильность. Ей почему-то хотелось плакать.

– Там... все... такие?

– Многие.

Ей было тепло с тем, кого она почти не знала, ей было «защищённо».

Близко-близко его глаза казались серо-зелёными.

– Ты со мной? Или нет?

Когда с её щек соскользнули его пальцы, Лике стало холодно. А ведь он даже «не тот самый» – думалось ей. Наверное, не тот. Каким же тогда будет ощущаться «тот»? Не орала даже логика – кажется, она сдохла первой. Поняла, что рвать связки бесполезно, отдала бразды правления безумию, заранее зная, что не услышат.

– Я с тобой, – прошептала Анжела.

Только не серые стены коробки на окраине Саранска. Даже проституция в Эмиратах будет лучше.

Глава 3

– Я... я не так всё это себе представляла!

Одно дело поехать с кем-то одним, другое дело вдруг увидеть на обочине стоящий огромный джип незнакомой марки, к тому же полный людей.

Она даже дернула Дэна за локоть, остановилась сама, остановила его.

– В чём дело?

– Машина... – Лика смотрела на неё с ужасом, только теперь начиная осознавать, что действительно на что-то согласилась. – Ты хочешь, чтобы я села в машину, битком набитую незнакомыми мужчинами? Это ведь не одно... и то же...

– Что – не «одно и то же»?

Он был терпелив, но Анжела чувствовала колыхнувшееся раздражение.

– Не одно и то же, если бы мы ехали... вдвоем.

На водительском месте сидел бородатый человек, через приоткрытую заднюю дверцу ей виднелись ещё двое. Свободное место только для Дэна, а ей быть сзади зажатой незнакомцами? Пусть даже авто огромно даже по нынешним меркам, пусть сзади, как на палубе океанского лайнера, хватает места для троих.

– А ты хотела, чтобы здесь сидели твои подружки? Улыбались тебе, пили шампанское и щёлками камерами? Или,

может, Санта-Клаус?

– При чем здесь Санта-Клаус?

– Ну, его бы ты не боялась?

Кого-то переодетого в Санта-Клауса? Да она боялась бы этого маньяка больше, чем клоуна из «Оно» – фильма, который, к слову, так и не сумела досмотреть до конца.

Лица всё понимала, наверное. Но всё же уперлась, как мул – ещё не поздно повернуть. Дэн обещал не применять силу, и её в джип вроде бы никто не запикивал. Ещё есть шанс уйти.

– Я... боюсь. – Выдохнула она честно, призналась.

– Я знаю. – Перед ней не псих, перед ней всё тот же адекватный Дэн, которому она поверила в номере. – Пересечение границы миров не такой простой процесс, как тебе может показаться, и потому за рулём профессиональный водитель. Сертифицированный. Знающий, где располагаются невидимые дороги, умеющий разогнать транспорт до чёткой, выверенной математически скорости. Я так не сумею, потому что я «анализатор». Это слово хоть и не совсем точное, оно будет тебе понятно. На заднем сидении нейрограф, по-вашему – «доктор», который будет следить за твоим здоровьем в процессе перехода. Справа – его ассистент.

– Два... доктора?

– А ты хотела, чтобы мы пустили всё на самотек?

«Я говорил тебе, нам не нужен на той стороне труп».

Анжела смотрела на джип во все глаза. Ей снова предсто-

ит принять решение – в который раз за эти сутки. Бандиты, похищающие девиц, так терпеливо себя не ведут. Или ведут?

Дэн посмотрел на часы.

О чём он думает? О некоем «портале», открытом лишь определённое время или же о самолёте, который отбудет в ОАЭ через час?

– Поклянись! – прошипела она, как ведьма, держащая перед ним чашу с кровью, – Поклянись здоровьем своей матери! Скажи, что не обманываешь меня!

– Не обманываю. Клянусь.

Никакой натуги в его голосе. Сплошная усталость.

Он развернулся и шагнул к машине.

Она шагнула за ним.

Наверное, она дура. Сидит теперь между двумя незнакомыми мужиками; авто мчит в неизвестном направлении. Ей почти плохо от страха, ей хочется пить, она только сейчас поняла, что у неё с собой никаких вещей. Никаких от слова совсем – даже плавок запасных нет. Незнакомцев слишком много, чтобы ощущать хоть какое-то подобие уюта; руки на руке водителя в кожаных полуперчатках. На неё в зеркало заднего вида не брошено ни взгляда.

– Давай, ложись, – мягкий голос слева, – познакомимся поближе...

И эти люди, двое на заднем сидении, синхронно уложили её между собой – Лика не успела даже взбрыкнуть, настоль-

ко сильно опешила. Её затылок теперь покоился на коленях одного мужчины, полусогнутые ноги, с которых ловко скинули ботинки, – на другом. И на шею, как запирающий хомут, как ошейник, легла чья-то тёплая ладонь.

– Нет! – бессильно засипела Лика, как только шок позволил вновь двигаться. – Мы так... не договаривались!

Она попыталась дёрнуться, подняться, но ладонь на шее ей не дала.

– Т-с-с-с, тихо, тихо...

– Подчиняйся ему, – полуобернувшись бросил Дэн.

– Я... нет!

– Успокойся. – Чужой голос проникал ей в подкорку, ладонь грела. – Я положил тебя таким образом, потому что так мне удобней будет контролировать твое психофизиологическое состояние. Да и ехать долго. Просто лежи.

Её сердце грохотало так, что глушило окружающие звуки, пульс зашкаливал.

– Я, – тем временем говорил доктор, чей голос она прекрасно слышала – ещё один красивый голос, – тот, кому ты сейчас будешь доверять больше, чем кому-либо. Потому что так надо.

Наверное, так отчаянно не чувствует себя даже птица, посаженная в клетку. Так безнадёжно, с залитой паникой ушами, глазами.

– И не надо так нагружать нервную систему. Сейчас я успокою твой пульс. Наблюдай.

Наверное, это не страшно – лежать, распластавшись между чужих мужиков. Не страшно, когда держат за шею, не страшно ехать в неизвестность, но ей было как никогда страшно. Пульс, однако, подчиняясь чужому воздействию, вдруг принялся замедлять удары. Уже не «бух-бух-бух» три раза в секунду, но «бух» дважды, затем – один раз в секунду. Внутри неё затихал шторм.

По какой-то причине она не пыталась встать именно сейчас, но наблюдала то, чего никогда не испытывала раньше – кто-то другой рулил внутри неё процессами. Невозможно. Такое ведь невозможно?

Прошло с полминуты, может, чуть больше. Сердцебиение в норме, на висках высыхает испарина; рука всё ещё лежит на её шее. Почему она не трепыхается? Напряжение не исчезло, оцепенение внутри колоссальное.

– Молодец. Так лучше, – констатировал нейрограф. – Давай знакомиться, Ангел?

Вот тут она дёрнулась.

– Почему вы все... называете меня Ангелом?

– Таким образом зашито твое имя на энергии. Именно так желала называть тебя мама. А не так, как записано в паспорте. Мы читаем напрямую.

– Отпустите меня!

– Да поздно уже бежать. И некуда. – Ассистент похлопал её по ноге.

– Я тебя сейчас из машины выкину, – огрызнулся док,

на чьих коленях Лика лежала головой. – Не напрягай мне девушку.

Дэн обернулся на секунду, бросил взгляд на «пленницу», после принялся о чём-то тихо переговариваться с водителем.

Рука на шее. Согревающие пальцы. Тепло ног через ткань джинсов; мягкая аура. Почему-то теперь она хорошо слышала только дока, остальные будто потерялись. Отдалились.

– Чтобы нам с тобой наладить взаимодействие, давай, почувствуй меня, – произнес он тихо.

– Я не умею. – Ей, наверное, нужно бороться. Пытаться бежать – ну и что, что согласилась по своей воле? Но борьба отчего-то происходила внутри неё самой, и это сражение уже обессилило.

– Ты раньше не пробовала. А теперь умеешь. Я хочу, чтобы ты посмотрела на мои намерения в отношении тебя.

– Как?

– Ты поймёшь.

И она попробовала. Потянулась в сторону незнакомца, чью руку теперь чувствовала кожей, как горячее клеймо, коснулась его мысленно. Разрешила ему дотронуться до себя. И сделала длинный выдох... Её окутало нефизически чем-то очень ощутимым, невидимым, но реальным. Теплотой, добротой, мягкостью. Как будто взяли на руки ласковые ладони, укутали одеялом, прижали к груди. Как будто этот кто-то никогда не допустит беды, как будто ценнее неё в этих руках никого никогда не было. Больше того, она ощутила чужой от-

клик удовольствия от контакта, взволнованную дрожь, рябь. Удивление незнакомца, не ожидавшего получить от их слияния наслаждение. Его аккуратность, тактичность, бережное к ней отношение.

Анжела открыла глаза. Думала, иллюзия пропадет, отступит, но док, чьё лицо тонуло во мраке, смотрел прямо на неё. И глаза его отражали то же самое – желание её защитить. Больше – желание быть для неё всем.

Она опять зажмурилась. Нет, никогда во время касаний мужчин, их ласк и тому подобного она не ощущала чувства партнера. А теперь – да. Хотя безымянный нейрограф ей даже не партнёр. Но его внутренние касания дарили ей наслаждение, постепенное сближение заволокло разум дымкой. Теперь ей было всё равно, что она лежит в незнакомой машине на заднем сидении, в эту минуту стало безразлично, куда именно держит путь авто. Всё потерялось, кроме него. Ей думалось: «Это как обнимать кого-то, только не наяву. И чувства испытывать настоящие». Аура незнакомца человека, вдруг показавшегося ей совсем не чужим, дала ей столько, сколько не давало ни одно другое прикосновение. Наверное, только мать её обнимала вот так, сердцем. Да и как сравнивать с матерью? А другие мужчины – никогда. С ними она постоянно вопрошала себя о мыслях в их голове, о том, взаимны ли чувства? Кто ощущает больше – он или она? А тут...

Она не хотела, не могла от него отлипнуть. Его невидимые

пальцы, ладони, мягкость, его способность укрывать её целиком... И Лика вжалась в него с полным доверием, с желанием погрузиться в него целиком. И наградой ей стала волна обожания. Не как триумф или довольство, но как настоящий оргазм, как экстаз от полного проникновения. Нутро дока отреагировало настолько мощно, что Анжела вдруг поняла – именно так влюбляются. Именно так, как сейчас, а не так, как в книжках – по словам, взглядам или внешности. Совершенно неуместная и совершенно правдивая мысль. Она открылась целиком сразу такой, какая есть, без масок – он бережно принял ей такой. И теперь она желала обнимать в ответ его...

– Я вижу, вы поладили, – раздался с переднего сиденья голос Дэна. – Аж салон трещит искрами.

– Не завидуй.

Док чуть заметно улыбался. И он впервые сместил руку и погладил Лику по щеке. Жест этот показался ей куда интимнее, нежели прямое касание языком клитора.

Она отчаянно боялась, что то невидимое, что случилось между ней и нейрографом уйдёт, что это была лишь необходимая процедура расслабления, но связь осталась. Незримая и такая же мощная. Это странное единение пропитало их обоих. Казалось, двинься один – и ощутит другой; полное отзеркаливание. Он смотрел в её душу, она – в его, закрыты её глаза или открыты. А ещё думала, что Дэн проник глубоко. Дэн по сравнению с тем, что сделал с ней этот человек,

вообще в неё не проникал.

И ни за что теперь она не отказалась бы от лежащей на её шее руки.

(Daniel Di Angelo – Drive you insane)

Десять минут, пятнадцать, двадцать? Машина куда-то рулила. Сворачивала, изредка тормозила на светофорах, а после, покинув городскую полосу, перестала. Набрала скорость. Анжела балдела. Она уже перестала себя спрашивать о том, что должно было бы делать в подобной ситуации, ей никогда не было так хорошо, как теперь. Просто с ним вдвоём.

В какой-то момент док отнял руку, посмотрел на часы на запястье, и в тусклом свете она успела различить тату на фаланге его большого пальца – змейку.

Змеи ведь во все времена являлись символами врачевания. Наверное, поэтому. Змея сворачивалась кольцом, почти восьмёркой, и рисовала своим телом фигуру «недобесконечности».

Рука вернулась «на место».

Её «жарило» от его касаний. Лика никогда не думала, что просто лежащая на тебе ладонь может давать так много, может в прямом смысле затуманивать весь остальной мир и собственный разум, заставляя фокусироваться только на ней. На мужских пальцах, на каждой точке кожи, которой

они касались.

Качка убаюкала всех. Водитель и так не смотрел никуда, кроме дороги; голова Дэна лежала на подголовнике. Видимо, зона начала перехода не так уж близко. Ассистент, отвернувшись в сторону окна, тоже дремал.

Только она. Только док. И их собственный мир.

Лица хотела, чтобы рука сдвинулась, – отчаянное, жадное желание. Почему-то ей до дрожи хотелось ощутить эту руку где-нибудь ещё, где угодно. На плече, например, на груди, на животе. Уже глупо себя спрашивать, откуда эти желания, бесполезно. Логика, наверное, осталась в отеле, в том номере, от которого она вернула ключи, – дальше наитие, чувства, интуиция.

Может, он почувствовал, а может, хотел этого сам (ей показалось второе), но док вдруг исполнил Ликину мечту – погладил её лицо пальцами. Очень осторожно, очень нежно, почти по-отечески. И ей вдруг стало ясно, что отнюдь не она ведёт эту партию, что любую партию всегда будет вести он. Что он сильнее, чем ей казалось, «выдержаннее», надежнее. Хотя куда уж больше положительных качеств? Она и в имеющиеся, кажется, влюбилась, как пятиклассница.

Её погладили по щеке как фарфоровую статуэтку – осторожно, бережно, и, если бы не горячая волна со стороны докка, Лике бы казалось, что у него и есть те самые «почти отеческие чувства». Просто «докторские» – позаботиться, защитить. Но нет. Что-то в переплетении их энергий заводило

его сильно, и она физически ощущала, как надежно он держит себя, как тестирует за последние минуты самоконтроль.

И всё же рука...

Когда он коснулся её губ, будто проверяя их мягкость, желая уловить жар её дыхания, по Анжеле впервые прошла волной дрожь. По груди, по всем мышцам спины, даже по мозгу. И док улыбнулся, приложил палец к своим губам, глазами сообщил – «мы будем играть в это тихо».

Он гладил её – она молчала, хотя очень хотелось застонать. Хотя бы замычать. Ласкал её шею, перешёл к ямочке между ключицами, и Лика ощутила, что её дыхание становится всё тяжелее, а низ живота – всё требовательнее. Боже, это всего лишь палец, но в этом пальце был сосредоточен секс в чистом виде. Док излучал наслаждение – она напивалась им как губка. Зачем она позволяет это? Хуже – зачем она мечтает об этом? Но ей никогда не было так хорошо, как теперь. Один-единственный момент во Вселенной – другие попросту не существуют.

Когда мужская ладонь, сдвинувшись, невесомо накрыла её грудь, сосок тут же поднялся, как часовой, ему не помешала даже чашка лифа. Губы пришлось прикусить. Док, конечно, поиграет, он не позволит себе слишком много; Анжела была в этом уверена, и уверенность эта перемешивалась с досадой. Ему, наверное, не позволено, не положено должностью; может быть, это тоже карается, как ранее говорил Дэн...

Дэн спал; машину всё больше трясло на неровных дорогах. Поворочался ассистент. Лика не могла унять желание соединиться с тем, на чьих коленях лежала. Сама не знала каким образом, как. Казалось, она пьёт его энергию, дышит ей, и чем больше дышит, тем больше ей хочется. Глубже, сильнее и плотнее.

Рука переместилась на живот, погладила вокруг пупка.

«Здесь он остановится, – думала она. – потому что это игра». Потому что субординация. Она могла трассу прорисовать там, где её касался чужой палец. Чувствовала себя топографическим полотном с отметинами. Если прочертить линию от «старта» до «финиша», то можно будет кидать кубики...

Она шумно выдохнула, когда ладонь дока легла ей на лобок. Лика вжалась затылком в его ноги. Ей нельзя дёргаться, ей нельзя говорить, нельзя стонать. Всё должно быть тихо. И держал в своих глазах взгляд напротив – незнакомец только что переступил черту, которую – она была уверена – не переступит.

Ладно, это всего лишь джинсы... Пальцы сквозь джинсы – не считается.

Анжела закрыла глаза. Знала – взгляд выдаст её с потрохами, в нём док прочитает призыв продолжать. Нет, она хотела посмотреть, что именно он сделает сам, на что решится. Она не будет его подбадривать, подыгрывать ему, указывать дорогу. Пусть проявит себя таким, каким является – либо

просто врачом с субординацией, либо тем, кого она ощутила внутри. Кем-то очень жарким, огненным и безудержным, несмотря на самоконтроль.

Его ладонь без движения – её промежность как вулкан, готовый взорваться. Конечно, сейчас безымянный нейрограф сообщит ей взглядом: «Окей, поиграли – и будет». Отнимет руку, вернёт её на шею или куда там ещё. И остаток пути ей придётся бороться с пустотой внутри. Не привыкать, но так не хотелось, отчаянно не хотелось...

И вдруг он сделал то, чего она не ожидала – вытянул край блузки из-под ремня её штанов. Чтобы освободить щель. Ангела не верила, не могла поверить. Он же... Доктор спокоен, он тих и уверен в том, что делает.

Зрачки её глаз расширились, когда его ладонь аккуратно втиснулась под джинсы. Под плавки. И да, спасибо её плоскому животу, места для неё хватило, не пришлось расстёгивать ремень, греметь пряжкой.

Она попала на небо, когда пальцы коснулись её клитора. Так, наверное, было нельзя, так, возможно, было запрещено. Законами – теми или этими, – этикой, моралью, принципами... Ей было всё равно. Она только резко повернула голову на бок и прикусила губу, когда скользкую промежность начали поглаживать. Очень нежно. Именно там, именно так, как нужно. Вторая его рука на её лбу – мол «тихо, девочка, тихо». И, кажется, доку очень хочется сжать в пучок её волосы. Его пальцы ласковые, очень неспешные, но жар такой,

что у неё мозг расплавился, у неё голова давно уже упирается во внушительный бугор.

Она молила саму себя не кончать. Но с ним это был заведомо проигрышный вариант – он трогал «слишком правильно». Нельзя кричать, нельзя стонать, даже дышать нужно тихо. Как она будет, когда придёт финал? Лица же оглушит криком весь салон, она разбудит ассистента, когда задёргается. Ей бы не рисковать, но уже поздно – внутреннюю дрожь нейрографа она чувствовала как свою. И это двойное наслаждение, двойное удовольствие.

Когда настала финишная прямая, Анжела смотрела на него прямо, молила глазами – нет-нет-нет... Зная, что это «Да. Да. Да». Он что-то хотел почувствовать тоже, некую последнюю грань их слияния, и её оргазм вел напрямую к этому.

Когда её взорвало, она как раз успела упереться ногами не в ассистента, а переложить стопы на ручку двери, постаралась не выгнуться аркой.

В самый момент пика и электрических искр, Док накрыл её рот ладонью.

Очень-очень плотно накрыл.

И в момент безумия, посреди полного сладкого хаоса, Лица успела уловить, как его мозг прошибло запредельным рядом наслаждения.

Она запомнила то, как он под ней вздрогнул. Как выдохнул. Как, тяжело дыша, склонился над её лицом близко-близ-

ко.

Наверное, никто не заметил. Возможно. А может, все тактично сделали вид, что спят – ей было слишком хорошо, чтобы думать о других, об осуждении, о собственном стыде. Кажется, она впервые вышла туда, где всегда по-настоящему мечтала быть – в безмятежное спокойствие. Зная, что находится рядом с тем, с кем хочет быть. Этот «кто-то» был так же безмятежен, как и она сама. Сейчас его голова лежала затылком на спинке сиденья, глаза закрыты, а внутри мерцающие искры, оседающие после потрясающего фейерверка – его? Её? Их – хотя половыми органами они не соприкасались.

Док поглаживал её волосы почти незаметно, а Анжела думала о том, что обязательно узнает его имя, они приедут на место, обменяются телефонами. Ведь в другом мире есть телефоны? Она уже поверила в существовании другого мира; сейчас, рядом с ним, она приняла бы любую «правду» – о существовании фей, эльфов, драконов, вампиров. Хорошо бы, впрочем, без последних. А поцелуй Дэна не в счёт... То, что случилось с этим мужчиной, с нейрографом, бывает раз в жизни – она была в этом уверена.

И не заметила, как под мерную тряску авто с этой мыслью уснула.

(Biometrix – 28 Days Later)

Её пробуждение было куда менее комфортным, нежели погружение в сон. Машина на огромной скорости почти взлетала над ухабами; теперь не спал никто. Подняться ей, впрочем, не дали, но Лика и отсюда видела, как напряжены челюсти Дэна. Ассистент теперь держал её ноги так крепко, будто от тряски они могли у неё отвалиться.

Основная проблема заключалась не в этом – ей почему-то было плохо. Всё воспринималось размытым как в дымке. Прозвучал напряжённый голос водителя:

– До входа в межмировую зону десять секунд. Скорость максимальная.

Лика дышала с трудом, сама не знала почему. Ей вдруг, как в самом начале, стало страшно. Она словно на космическом корабле, собирающемся преодолевать межгалактический барьер. Внутри перегрузки, «недогрузки», и все органы перемешались между собой.

– Шесть, – считал тем временем бородатый, – пять, четыре, три...

Пристегнулся со звонким щелчком ремнём безопасности Дэна.

А после толчок.

Она даже не сумела идентифицировать, на что он был похож – на волну? Тугую волну, начавшуюся почему-то не спереди или сбоку, а пришедшую изнутри. И стало ещё хуже, поплыла голова, загрохотало в висках. Её сознание оторва-

лось от происходящего, поплыло над всем отдельно, будто во сне. И почему-то отдалёнными слышались голоса.

Дока:

– У неё не выдерживает сердце!

«Почему?» – думала Лика – «Всё выдерживает». Хотя она почему-то не ощущала его. Ни собственного тела, ни чужих рук.

– Выброс гормонов? – спросил Дэн, и она впервые услышала его голос таким. Металлическим.

– Сделан. Но помогает слабо. Пульс уходит.

– До окончания межмирового пространства километр, – снова водитель.

– Держи её.

«Держу» – нейрограф ответил мысленно, но она услышала его мысли, так же как и речь до этого. А ей хорошо – невесомость, удушья больше нет, она парит в этом самом межмировом пространстве, и ей комфортно. Только почему-то одиноко, будто она от всех очень далеко. Или все от неё.

Но неожиданно вернулись плотные ощущения. Это случилось, когда док вдруг влился в неё собой, занял пространство внутри её полей, присвоил её ауру. Нашупал невидимую руку Анжелы, сжал её, а после спросил:

«Далеко собралась?»

Собралась? Она никуда не собиралась... Она...

И только сейчас поняла, что почти переступила порог. Что сердце вот уже какое-то время не бьётся, что она почти

ушла. Кома. Вот где она пребывала.

А доктор стал жёстким – таким она его прежде не ощущала, – собранным, работающим на полную и в то же время бетонным. Он с разгона завел её сердце искрой, толчком, невообразимой силой намерения. А после, чтобы пульс вновь не ушёл, он стал всем внутри неё – каждым электрическим импульсом, проходящим по нервным окончаниям.

Только теперь она по-настоящему увидела, насколько ему «не всё равно». Что он готов сражаться за неё до победного, до последнего вздоха – своего или её, – что теперь он точно не отпустит, пока не доставит живой. Он закрыл Лику собой, он сделал её собой, в эту секунду стал для неё всем.

И она какое-то время висела, удивлённая, наблюдая в работе стальные поршни того, чьего имени не знала. Чувствуя его злое в этот момент и горячее сердце. Злое – потому что он не собирался её отдавать.

«Гони!» – хотелось приказать он водителю, хотя тот и так гнал так, что чёртова посудина едва не разваливалась. Но даже для этого не разомкнул губ, чтобы не терять концентрацию, ни микрон её. Она чувствовала пот на его висках и как едва не взрываются от напряжения внутри чужого тела вены.

– Семь секунд до входа до входа в Уровневую Зону, – слышалось спереди.

– Лок?

«Я держу» – мог бы ответить нейрограф, но не ответил.

– Три, – считал бородач, – две, одна...

И новая тугая волна смысла Лику из ставшего привычным пространства куда-то ещё.

– Если бы ни её феноменальная проницаемость, хер бы я что сделал.

Машину больше не трясло, машина стояла.

А фразу эту произнес док, процедил с примесью злой горечи. Адресована она была Дэну.

«На то ты и профи».

Пробуждаясь в очередной раз, Анжела почему-то всё ещё чувствовала чужие мысли.

Она снова была собой. Своим телом, своим сознанием. И ещё ровно бьющимся сердцем. Открыв глаза, упёрлась взглядом в подбородок, к абрису которого успела привыкнуть.

В салоне всё так же темно, хотя снаружи теперь откуда-то лился свет.

– Привет, – прошептала одними губами.

Док вздохнул. Погладил её по волосам.

Он спас ей жизнь. Он сделал для неё больше, чем кто-либо другой.

И да, она в другом мире.

Теперь, шагая за Дэном по дорожке от машины к сереб-

ристому зданию в сумеречном пространстве, Анжела ясно ощущала это. Ей бы рассматривать «приуровневую территорию», как они её называли, ей бы дивиться странной конструкции дома, в котором находился Портал в Монтану, как объяснил ей провожатый. Но Лика думала о докторе.

Лок. Так его звали? Как «замок»?

Он и стал тем замком, который защёлкнулся, не дал её пульсу выскользнуть. Лок...

Она почему-то была уверена, что остальные выйдут следом, что вся команда войдет «на базу». Но обернувшись, поняла, что, кроме Дэна и неё самой, никто из авто не вышел.

Насквозь пронзила досада.

Ей нужно его увидеть, ей нужно с ним поговорить. Потому что он всего лишь спросил: «Как ты себя чувствуешь? Можешь идти?» Конечно же, она полагала, что он пойдёт вместе с ней.

Но док остался в машине.

Так не может быть, так не должно быть. Так не расстаются.

– Дэн...

– Да?

Мужчина в чёрной футболке шагал быстро.

– А... – она не успела даже задать вопрос, как её, остановившуюся на пороге, втолкнули внутрь.

– Входи. Здесь воздух изменен, здесь небезопасно. Остальное внутри.

Для неё всё смешалось – слишком много впечатлений. Яркая комната, она посреди неё, огромный незнакомый мужик вводит данные в наклонную сенсорную панель. Её попросили просто постоять, после – назвать имя. Почему-то не хотелось рассматривать убранство и, вместо того, чтобы глазеть на то, что находится снаружи – хотя бы на того же «голиафа» в пару метров ростом, – Лика залипала во внутреннем мире, в своих тревогах.

Сейчас их окончательно разделят, её отправят через некий Портал куда-то далеко, в город. Эта пустошь останется здесь; команда, скорее всего, уедет обратно. Как потом связываться, как найтись снова? Нельзя расстаться, не поговорив.

Даже Дэн назло куда-то исчез.

Тело Лики сканировали лучи, начинающиеся в потолке и заканчивающиеся в полу. Они бороздили её одежду, лицо, иногда посылали «зайчики» в глаза.

– Расставьте руки в стороны. Теперь верните на место.

Она ощущала себя новобранцем, прибывшим служить в армии на чужой планете.

А спустя минуту из раскрытой двери, из смежной комнаты, вдруг услышала знакомые голоса. И его, Лока, в том числе.

– Я хочу с ним поговорить, я должна. Слышите? Можно?
Она сошла с некоего невысокого постамент, вращающей-

ся платформы.

– Кто вам разрешал двигаться?

Ей и запретить никто не мог.

– С нейрографом! – сказала она очень громко, так, чтобы до громалы дошло. Но он вдруг рывкнул на неё.

– Стоять! На колени. Взгляд в пол!

Анжела не собиралась ничего подобного исполнять, но её будто ударили под дых. Слова высокорослого незнакомца прошли её рядами, и тяжёлое тело рухнуло вниз. Подкосились ноги. Опустилась голова. Теперь Лика находилась в позе раба – ах, вот как, оказывается, здесь себя ведут с новичками? У неё не двигаются ни руки, ни ноги, голова не поднимается, пошевелиться не удаётся.

– Мне нужно поговорить с нейрографом! – заверещала она что было мочи. Но ей приказали «молчать».

– Зачем ты так жёстко обращаешься с нашей гостьей?

Она узнала бы его голос из тысячи.

Перед ней, стоящей на коленях, показались коричневые ботинки, попали точно в фокус застывшего взгляда. Док опустился на корточки; теперь Лика при ярком освещении отлично видела его руку с тату-змеёй на фаланге большого пальца. От бессилия – этот маньяк приказом поставил её на колени! – хотелось не то рыдать, не то орать. Но перехлестнуло облегчение, когда нейрограф мягко попросил:

– Урин, отмени свои приказы.

– Ей запрещено видеть твое лицо.

– Значит, этот не отменяй.

Здоровяк что-то недружелюбно пробубнил, внутренние оковы спали.

– Пойдём, – док протянул руку, – поговорим.

И она бы радовалась на полную, если бы могла поднять на него глаза. Тело двигалось, язык тоже. А вот взгляд – взгляд только в пол.

Хорошо, что в помещении, куда он её привел, судя по звукам, – никого. Хорошо, что они одни.

Он поставил Лику у стены; сам так близко, что почти прижат. Погладил её по щеке, вдохнул глубоко.

– Ты зачем так кричала?

Анжела видела пуговицы на стильной куртке. И размыто подбородок – трудно смотреть всё время вниз. Давила обида.

– Зачем он со мной так? Сразу... на колени.

– Он обязан действовать по уставу. Здесь у некоторых случается истерика. Приступ. Всякое бывает.

Ей в эту минуту хватало знакомого голоса; бушующее нутро успокаивалось, когда он звучал.

– Я просто... хотела... с тобой поговорить.

– Я здесь.

Док улыбался. Ей пришлось закрыть глаза – так было проще. Не напрягались окологлазные мышцы, хотя бы удалось поднять голову.

Что-то нужно было сказать, что-то правильное, очень важное.

– Спасибо, что помог мне... в машине.

Прозвучало странно, двойко. И больше всего Анжела боялась услышать фразу «Это моя работа», хотя именно это предложение должно было венчать конец диалога. Но не услышала ничего. Только почувствовала отголосок напряжения в стоящем напротив человеке – ему помнилось, что это было не просто.

– Всё хорошо теперь. Скоро ты отправишься дальше.

– Мы увидимся ещё?

Она не могла не спросить.

– Возможно. Жизнь длинная.

Очень ровная фраза, ни о чём не говорящая.

– Тебя зовут Лок?

– Тебе не положено знать мое имя. Мы – просто проводники.

– Для меня... не просто. – И только потому, что нейтрограф молчал, добавила. – Ведь и для тебя это было... «не просто»?

«Ведь ты не с каждой...». Не с каждой делаешь «это».

Ужасно, но она боялась знать. В конце концов, в салоне звучали слова «гормональный выплеск» – может, её оргазм тоже был частью его работы?

– Ангел, – док говорил мягко, и её будто гладили изнутри. – Не впадай в иллюзии. Я перевожу двух-трёх человек

в день – это моя работа. Слежу за их состоянием.

– Я хочу увидеть тебя ещё раз...

– Для чего? Ты теперь здесь, и тебе встретятся на пути очень красивые, очень сильные, достойные мужчины.

«Я хочу тебя» – она не должна была сообщать об этом так прямо, но, кажется, всё её тело излучало в данный момент флюидами схожий смысл. Попыталась снова открыть глаза, посмотреть на него – поняла, что при попытке поднять взгляд блокируются мышцы шеи и происходит расфокусировка, опять закрыла их. От досады почти стукнулась затылком о стену.

И в этот момент Док поцеловал её. Не смог удержаться – она почувствовала. Лица впервые почувствовала его по-настоящему – не только руку, не только иллюзию о том, как это было, если бы они слились, но и первое настоящее касание. И поплыла голова. Она бы позволяла ему целовать себя вечно, она бы не сумела отлепиться от него. И в поцелуе этом не было ничего целомудренного, он был жадным, жарким. Док наградил им не её – себя. Анжела это чувствовала. Он хотел ощутить её ещё раз, он, как и она, жаждал контакта, но в какой-то момент прервал блаженство, прервал поцелуи. Только губы его остались очень близко, дыхания сплелись.

– Нам запрещён контакт с «новичками».

– Но ты... касался меня.

– В машине я мог – нейтральная зона, другие полномочия.

– И поцеловал только что.

– Потому что здесь ещё не Монтана. Это для меня последняя возможность дать себе волю, объяснить это в рапорте «необходимостью».

Анжеле эта «необходимость» после будет нужна пожизненно.

– А дальше?

– А дальше... у тебя будет прекрасное будущее.

– Ты уходишь, потому что я... «новенькая?»

«Чёрт». Он не сказал это вслух, но окутался раздражённой дымкой. Коснулся её губ снова, прикусил нижнюю, поцеловал в уголок рта.

– Ты делаешь это снова...

– Да. Но это не одно и то же, что войти в тебя на полную.

Она бы хотела этого. Она уже рвалась к этому как цербер с пеной у рта, которого почти допустили в рай.

– Какого ты уровня, Лок? Пусть я новенькая, но я...

– Даже не думай об этом.

– ... до тебя дойду. Дорасту. Ты будешь...

«Ждать?»

– Не порти себе жизнь с самого начала. – Долго молчал, выдохнул тяжело. – Не дури.

И вновь закрылся, стал спокойным, почти лёгким. Лица уже была готова закричать «не уходи!», когда нейрограф коснулся её губ в последний раз.

– У тебя карамельная энергия, ты знаешь? Невозможно от неё отказаться.

Теперь что бы она ни сказала, ничто не будет иметь смысла. Видимо, некоторые вещи не изменить.

– Всё у тебя будет хорошо.

Лица опять смотрела на пуговицы его куртки, на ремень джинсов, на ноги, на которых так долго лежала. Коричневые ботинки.

– Кстати...

«Неужели она так и не увидит его лицо?» Хотя ей было всё равно. Она хотела бы быть с ним, даже если бы Лок оказался не в её вкусе. Он уже был в её вкусе на ощущении – другого не надо.

– ... я починил твоё сердце, котёнок. Теперь оно здоровое. Наслаждайся.

Те самые пальцы, которые в машине ласкали её там, «где нельзя», теперь погладили по щеке.

А после человек со змейкой на руке ушёл, оставив «пациентку» с вылеченным сердцем стоять у стены.

«Он унёс его с собой» – думала Лица обречённо. «Защёлкнул всё на той же дужке замка...»

Горько и смешно. Пусто у стены одной, одиноко. Как вышло, что, не доехав до некоего мифического города, она втрескалась в проводника?

Её усадили на мягкий диван, сказали ждать.

«Сколько ждать?»

Здесь, когда она впервые решила оглядеться вокруг себя, рассматривать было нечего – просто комната, проходная, но пустая. Только радостные жёлтые стены и диван. Палас на полу отсутствовал, под ногами – будто очень-очень хорошо натянутый линолеум – какое-то время она оглядывала его, после – ощутила усталость. Сколько времени в её родном мире? Сотовый показывал третий час ночи, сознание двоило.

Где сейчас её мир, далеко? Или она продолжает витать во власти иллюзий?

Подъехал низкий робот с монитором вместо лица, неопределённым голосом спросил, не желает ли она воды, чая, кофе? Он может указать ей, где уборная. Лика не желала. Но почему-то спросила:

– А на Уровнях есть феи?

Ей зачем?

Робот задумался. После на экране высветился отрицательный ответ.

Брови Анжелы нахмурились, цепко заработал мозг.

– Координаты города Монтана. Здешнего.

И да, на экране высветилась череда символов – правда, ни один из них не был Лике понятен. Но ответ был дан.

– Имя нейрографа, который доставил меня сюда. Лок... – она даже дала затравку роботу, чтобы тому было проще идентифицировать объект, но монитор показал красный

символ. Несложно было его трактовать – «кирпич», «стоп», «информация под запретом».

– Пить я не хочу, спасибо.

Андроид уехал.

Сотовый сигнал не ловил, ни одной палки. Хотя сложно ли такое организовать, если и раньше с полпинка связь пропадала даже в лифте? Снова навалилась тяжесть – когда удастся поспать? Кто подойдёт следующим, куда поведёт, что скажет? Во что бы она ни ввязалась, процесс длился, лица сменялись, конца и края не было видно дороге в неизвестность.

Затылок к стене, глаза закрыть. А под ними снова док. Его энергия, его аура, будто и не расставались. Всё осталось внутри.

«Далеко собралась?»

Она голову могла дать на отсечение, что не стала «типичной пациенткой» в ряду его бесконечных перевозок. Всё в этот раз было иначе, хотя он отбросил её предположения. Ушёл, заявив о том, что «всё кончено». Только как забыть того, кто вошёл под кожу? Для него, может, и точка, а для неё мигающий курсор, ожидающий слова «Привет!».

Когда-нибудь, где-нибудь.

Лица была уверена, что не забудет Лока. Сколько бы мужчин ни встретилось ей на пути, она будет помнить этого.

«Он особенный, мам» – произнесла мысленно.

И показалось, будто мать улыбается рядом, тепло, спокой-

но. Впервые по-настоящему умиротворённая, потому что у дочери здоровое сердце. Сколько лет она мечтала об этом, сколько лет волновалась.

«Он действительно вылечил врождённый порок?»

Только не лить слезы от чувств. Наверное, это всё шок, нагромождение эмоций, нервное истощение, в конце концов.

Пусть так. Она всё равно зачем-то взяла нейрографа за невидимую ладонь, как делала в машине. Крепко сжала её.

И показалось, что руку сжали в ответ.

(Donzell Taggart – Flames)

Лок.

Он ощущал досаду. Странное чувство потери, холодок в груди. Она доехала живая и здоровая – всё прекрасно, – но он должен от неё отказаться. Добровольно, потому что так предписано уставом. Сколько лет возил пассажирок – ни одну не запомнил. Наверное, заставит себя забыть и лицо Анжелы, её текучую мягкость, шёлковый мех её ауры. И её «котёнковую» доверчивость.

Он перешёл все внутренние пределы, когда она его допустила так глубоко, взял и открыл свои личные слои, захотел узнать, как это ощущается. Узнал. Теперь страдала какая-то глубинная часть.

Машина неслась сквозь пустошь в обратном направлении, прочь от базы. В ночь, в никуда, между мирами – он привык.

– Лок...

Дэну он не ответил, хоть тот хорошо чувствовал чужие эмоции – не зря был «наборным» специалистом.

– Локхарт, тебе придётся выкинуть её из головы.

Док помолчал. После признался.

– Пока непросто.

– Я знаю. Я её целовал. Дважды.

Дэн много кого целовал – иногда так проще было передать напрямую знания-ощущения, дать людям поверить в то, чего они раньше не могли коснуться. Но впервые Лок ощутил глухое раздражение, злость, слепую, как циклоп.

– ...поэтому понимаю, почему...

«Почему тебе сложно это сделать»

Злость Локхарта чуть утихла, но не ушла совсем. Стала пассивной. Женщин они все умели оценивать не по внешности, а по внутренней красоте, по «текучести», по восприимчивости, по переливчатости. Анжела была удивительна. До её тела, до её души найдутся охочие молодчики. Ему помнилось даже не её тело под пальцами, но отдача в виде ощущений... Если бы она допустила в себя хоть на процент меньше, он ничего не смог бы поделать с её сердцем, которое удивило в самый последний момент. И он, нейрограф высшей категории, чуть не упустил момент.

Не упустил.

Но девушку теперь отдал. Её собственному будущему.

Они все это чувствовали – ассистент Эрик, Дэн, водитель Крейг, – всполохи её внутреннего сияния, их с Локом взаимодействия.

За окном ночная равнина, пустошь.

Пусто и на заднем сидении посередине. Кто-то займёт это место. Может, не сегодня – им тоже нужно отдохнуть, – но уже утром, в обед.

– Выкинь её из головы.

Он должен будет. Отсеять все то, что мешает сосредоточиться, вновь стать непредвзятым профессионалом, ровным доктором. Но Дэна всё равно спросил не без раздражённого подтекста:

– А ты бы смог?

«После такого же слияния?»

И Дэн, рациональный, всегда нацеленный на результат, легко выбрасывающий из головы ненужное, – долго молчал. После отозвался честно:

– Сложно.

В том-то и дело.

Она где-то там, уже недалеко от Монтаны. И всё ещё внутри него.

Лок не удержался вновь, зная, что после будет жалеть, – обнял её всем собой, вжался в её ауру, обволок полностью.

Анжела почувствует, где бы ни была.

Он выветрит её из себя, а себя из неё. Но не сейчас,

ещё не сейчас.

Часть 2. Ринка

Глава 4

Румыния. Клуж-Напока.

Ирине.

Всё опять шло не так.

Собственно, Ринка забыла, когда все было «так». Может быть, в детском саду на утреннике, когда в шесть лет ей выделили роль главной снежинки? Тогда мать сияла и хлопала. Кажется, в последний раз. После только придиралась, направляла, указывала и властвовала как советский Сталин.

Нет, Роберта Ирине выбрала в институте сама. Красивый, видный парень, звезда спортивной секции и литературных курсов – она влюбилась сначала во внешность. После, несмотря на заносчивость «звезды», – в характер, во внутренний, пусть временами холодный, стержень. А вот когда Роберта как пару одобрила мать, всё покрылось слоем липкого дёгтя. Стало нечем дышать.

«У него родители банкиры – нам подходит. Он идет на бакалавриат – отлично. Соответствуй ему, Рина, тянись»

Это «соответствуй» стало проклятием.

И без того «зубрилка» Ирине превратилась в едва дрем-

лющего по ночам призрака. Добавилось курсов, репетиторов, наставников красоты, фитнес-тренеров – Ринка начала задыхаться. И совсем уже провальное фиаско потерпела вчера вечером, оставшись с Робертом один на один. Нет, она отдавалась ему не впервые – это случилось месяц назад. Ничем не примечательный секс и болевой прострел в паху запомнился ей разочарованием. На утро тянуло и саднило промежность, но Роб Петресцу остался доволен – ему досталась столь ценная в нынешние времена девственность. Правда, дальше он начал придирается – «будь горячее, будь более раскрепощённой...»

Ринка старалась. Но не умела. И накануне, когда попыталась сделать свой первый в жизни минет, где-то не там и не так царапнула зубами – Роберт зашипел. Постарался не раздражаться, вроде бы даже отошёл, разложил её на кровати, чтобы уткнуться лицом ей в промежность, но вновь почувствовал скованность. И взорвался.

«Мы собираемся пожениться через месяц, а я даже нашу совместимость в постели понять не могу!» – выстрелил он ей словами в живот. И заодно в череп. «Ты постоянно напряжена, вечно...»

Но как ей расслабиться, если он этому не способствовал? Вот если бы немного помедленнее, если бы по чуть-чуть...

Ирине уродилась ладной – так говорила мать. Только рост подкачал. Сто семьдесят восемь сантиметров для девушки – это проклятие. Половина мужского населения мира ниже.

Да, пусть плоская как модель – ни задницы, ни груди, – зато стройная, гибкая. Если накрасить, так хоть на обложку. Без косметики, конечно, – почти моль – неброские, хоть и правильные черты лица, русые волосы. Высокому Роберту бы всё подошло; и сама Ирине, и её родители – профессор математики с женой, ведущей наследное древо от вельможей. «Хорошая родословная будет у детей» – так он полагал.

Если бы Ирине умела делать минет.

– Он всё время говорит «расслабься» и «раскрепостись». А я не могу. Я честно... пыталась.

Её единственная подруга – старше Ринки и гораздо толще – сидела на стуле, одетая в просторную блузу и цветастую юбку. Они познакомились на курсах музыки, где Богна преподавала. Мать бы эту дружбу не одобрила: «Богна из простых» – так бы она выразилась. «Ни к чему тебе с ней водиться». Это разделение на «простых» и «сложных» вызывало в Ринке зубной скрежет и часто оканчивалось головной болью.

– Конечно, ты не можешь так просто раскрепоститься, ты же ещё невинная, по сути...

– Но...

– То, что он в тебя потыкался, не считается.

Богна рубила с плеча. Ринке всегда нравились её обесцвеченные кудряшки и яркие цвета в одежде. Мать не позволяла ни игр с волосами, ни ярких акцентов в гардеробе. Следила

даже за макияжем.

– Он... не женится на мне. Если всё останется так же.

«И тогда родительница её сожрет, ведь совместная жизнь с Робертом, а также с деньгами его семьи уже расписана на десятки лет вперёд»

– Послушай, – Богна смотрела с сочувствием. С настоящим. Она многократно пыталась завести тему о том, что Ринке бы жить своей жизнью, и та даже кивала в ответ, но неуверенно, вхолостую, и тема всякий раз сворачивалась. – Я тебе дала адрес агентства.

– Мужского эскорта? Издеваешься?

– Не издеваюсь. И не относись к этому серьёзно, поиграй. Сходи, выбери парня, выпей с ним, позволь ему сделать тебе несколько комплиментов. Поверь, эти мужчины умеют поднимать женщинам самооценку.

Визитка «Альфанса» до сих пор лежала на полке между книг и казалась Ринке пригласительным билетом на танец с инопланетянином.

– Накануне свадьбы переспать с проститутком?!

– Я не предлагаю тебе ни с кем спать. Просто сходить в кафе, в кино – я не знаю. Они смотрят на женщину так, что та ощущают себя богиней, они научены. Поверь, я видела, как преобразилась Лала уже через неделю...

Ирине не знала Лалу лично. Возможно, Лала – доверчивая простушка, верящая на слово тому, кому платит, но Ринка... Нет, Ринка не сможет. Она будет знать, что за все красивые

слова заплачено банкнотами с государственными знаками.

– Что ты теряешь? – Богна смотрела прямо. – Сходишь, попробуешь, не поверишь – и ладно. Зато будешь знать, что приложила усилия к «расслаблению».

– А если меня увидят знакомые? – румынский Клуз маленький, здесь на каждом углу кто-то встречается.

Огромный дом сегодня пустовал. Отец был на конференции, мать – у подруги в пригороде до завтра.

– Скажешь, что просто знакомый. Тебе уже кофе нельзя попить? А вдруг всё заладится? Вдруг ты ощутишь себя иной?

Богна тыкала в чувствительные места, она давила на воспалённые участки.

Видит бог, Ринке хотелось. Хотелось почувствовать себя той самой «иной» – расслабленной, красивой женщиной, ведь все данные есть, осталось что-то внутри головы поставить на место.

– Я... схожу, – приняла она решение не без труда. – Один раз.

Даже если кто-то доложит родителям, Ирине соврёт. В конце концов, она по мелочи врёт так часто, что уже сама едва отличает правду от вымысла. А как ещё жить, если на тебя давят?

– Я, конечно, ему не поверю. Но позволю ему купить мне напиток. Пусть... говорит.

– Молодец, – Богна смотрела, и глаза её светились. –

Ты молодец. И помни, что первое свидание уже оплачено.

Да уж, подарок – так подарок.

– Сегодня?

– Сегодня.

Пока родителей нет дома, пока Роберт занят. Да, пусть это будет один-единственный Ринкин день – честный и настоящий день для неё. Как бы он ни прошёл.

Она родилась неуверенной – вот в чём заключалась её проблема. Ирине думала слишком медленно, слишком тщательно размышляла над дальнейшими действиями, и мать решала за неё. Оказывалась быстрее, аргументировала чётче, логичней.

И Ринка вновь не успевала. Жить своей жизнью, принимать решения, спорить. Ей на всё нужно было время, а оно как раз было тем, что ей не давали.

Шагая, Ирине расправляла плечи не потому, что ощущала себя уверенной, но потому, что её так учили. Её, проще говоря, муштровали, ей приказывали запоминать. А Ринка тихо, но яростно мечтала о свободе.

Наверное, поэтому она сегодня шла туда, куда еще утром не намеревалась. И ощущала, что впервые за долгое время делает шаг навстречу себе.

Офис «Альфанса» находился где-то между торговым цен-

тром «Платания» и безымянным строением справа. Трепались на столбах национальные жёлто-красные полотна и флажки «Старбакса»; день выдался солнечным, но ветреным. С самого утра неслись куда-то машины; сигналил нерасторопному пешеходу водитель канареечного такси. Всё как всегда. Только мурахи по позвоночнику.

На Ринке строгая юбка-карандаш до колен, блузка, приталенный пиджак – мать полагала, что внешность учительницы есть показатель вкуса и статуса. Да, собственно, почему её должен заботить собственный внешний вид? Compliments мужчина, которого она выберет, будет ей говорить, даже если она зайвится в картофельном мешке. Деньги – они всё решают.

Улица Калеа-Манастур длинная, зданий много. А на карточке ещё странный номер корпуса, этаж, офис. Не ошибиться бы...

Сначала вверх по лестнице к центральному входу... Нет, здесь иная приставка – литера. Значит, налево и вниз. Там уже вроде бы полуподвал. Но, может, он – как раз для гранж-декораций «Альфанса»?

Толкая тёмно-коричневую дверь без надписей, Ринка чувствовала, как потеют ладони.

Здесь было странно.

Помещение походило на подвальную квартиру, в которой шёл ремонт. Стены без обоев, но свежеекрашенные,

в дверном проеме строительный полиэтилен. Пахло древесной пропиткой; с потолка свисала заляпанная лампочка.

«Может, они переехали? Или только открылись?» – думала она. В любом случае, интерьер нерасполагающий.

В углу разбирал коробки какой-то мужик – не то строитель, не то разнорабочий. Широкоплечий и коренастый. У него Ирине спросила, точнее – желала спросить, верный ли отыскала адрес, но тут появился бородач. И с порога бросил ей:

– Явилась. Мы тебя заждались!

Ринка застыла. И зачем-то посмотрела на часы на запястье.

«Им позвонила Богна? Сказала, что придёт клиентка?»

Вообще-то, как ей думалось, в «Альфансе» должны работать холёные мужчины. Накачанные, но «сладкие». За стойкой обязательно должен стоять администратор с вежливым голосом, у стены хорошо бы быть бару с напитками. И куда без кожаного дивана?

– Вы меня ждали?

Ринка умела говорить холодно и вежливо. Ей с детства прививали надменность, и она научилась. Но впитала её, просто стала в неё немножко играть.

– Очень ждали. Александр!

Бородач крикнул это кому-то невидимому. У Ирине участилось дыхание. Может, закралась ошибка? Может, она зашла совершенно не туда? В конце концов, названия у офи-

са не нашлось. Или это такая тактика «Альфанса» – сбивать толку, хватать быка за рога? Сразу же брать клиентку в оборот, не предоставлять ей выбора, заставляя ощущать брутальность, так сказать, ситуации? Что она знает об офисах эскорта? Только мифы из собственной головы.

– Простите, разве не мне положено выбирать? – всё-таки возмутилась вслух.

– Выбирать из нас? – Бородач почему-то расхохотался. И совершенно искренне, хоть и обидно. – Она хочет из нас выбирать, ты слышал?

Адресовано это было «разнорабочему» в углу – тот развернулся, и ухмыльнулся – мол, находятся же такие наглые дуры.

«Жёсткий дядя» – вдруг подумалось Ринке. Очень собранный... для разнорабочего; и вновь поползли мурахи.

Пока она рассматривала незнакомца, из-за полиэтилена показался ещё один.

– Пришла, наконец. Александр, она тебе подходит?

«Ну всё, – решила Ирине, – хватит с меня». Сейчас она даст им всем отпор, покинет эту шарашкину контору к чёртовой матери и выпьет в «Старбаксе» кофе. Прогуляется по магазинам, посидит в сквере. А что касается расслабления – справится как-нибудь сама. В конце концов, есть обучающие ролики на Youtube. Уже на любую тему.

Она заглохла, когда напоролась на него взглядом. На Александра. Даже его имя в устах бородача звучало

странно, на иностранный манер. «Алекса-а-андер». Почти «АлекЗандер». У него глаза светлые – не то голубые, не то зеленоватые. Ресницы тёмные, лицо жёсткое – «лицо убийцы», – подумалось Ринке. Таких актёров выбирают всегда на роль убийц. Чтобы взгляд холодный, чтобы ноль эмоций, чтобы странная привлекательность в чертах.

Он как раз был таким, этот Александер. С безумно красивыми губами, которые, кажется, никогда не изгибались в улыбке, с широкими, но не перекачанными плечами. Не слишком «надутый», но очень сильный. И выше неё. Прибавить сюда еще две кобуры, кожаные ремни, обтягивающие мощную, скрытую футболкой грудь, военные штаны и эту вену, ползущую вдоль бицепса...

Рина вдруг поймала себя на мысли, что ей всё равно, куда именно она пришла. Совсем. Даже если это не «Альфанс». Она никогда не видела таких мужчин воочию. Таких, от которых сносит, от которых слабеют колени. От Александра сносило – тот как раз осматривал её досконально, будто проверял качество шерсти овцы, которую собирались стричь. Он осматривал её придирчиво, даже укоризненно – пиджак, юбку, колени, обувь. В взгляд его словно говорил: «Это совсем не то. Не подходит»

Он отправит её сейчас прочь, и Ринка почему-то забыла, что это она пришла выбирать проститутов. А не они её. Забилась внутри просящая мысль – «кивни». «Скажи, что подхожу» – сама себе удивиться не успела, поняла, что не мо-

жет оторвать взгляд от стоящей напротив фигуры. Что ей всё равно, зачем её ждали.

Это было странно для неё и совершенно ей не свойственно. Но столь сильного интуитивного влечения она не испытывала еще никогда.

– Переодень её.

Александр скользнул по лицу Ринки взглядом, и этого хватило, чтобы снова покрыться испариной.

«Переодеть её? Во что?» И чем плох её нынешний наряд?

Она однозначно ошиблась офисом. Теперь понимала это совершенно точно. Зашла туда, где кого-то ждали, случайно выдала себя за другую девушку, и теперь собирается играть её роль. Ведь собирается?

«У него на спине скрещенные ремни от кобуры. У него зад такой же стальной, как лицо» – она попросту не могла сейчас сообщить всем правду. Не побыв с ним ещё.

– Ну пошли, краса, переодевать тебя. Кто клюнет на такую «училку», а? Чем думала?

Ей выдали юбку гораздо короче той, что на ней была. Кожаную. И короткую фривольную курточку – благо, размер подошёл. Чулки и высокие ботфорты. Сообщили, что у неё пять минут.

И Ринка, не веря тому, что делает, принялась переодеваться.

Она никогда не встревала в авантюры. Ни в какие. Образ-

цово-показательный ребёнок, вечная отличница – сегодня она ощущала себя так, будто укололась. Или выпила с утра. Что-то в жизни кренилось, её куда-то несло, фундаментальные пласты задвигались, проложив посередине трещину.

Ирине даже не могла понять, нравится ли это ей. Нравится – с одной стороны. С другой – река жизни вдруг стало слишком бурной, её куда-то несло. Но ведь если хочешь острых ощущений, садись в лодку, начинай грести, чтобы не утащило в потоке.

Грести Ринка училась впервые. И слишком резко.

– Я же вернусь... за одеждой? – спросила бородача, когда вышла из пустой комнаты обратно в прихожую.

– Конечно, вернёшься. Я её целлофаном прикрою, чтобы не запылилась.

Уже хорошо.

Ей бы спросить, куда она попала, чьё место заняла. Что её ждёт в следующие два-четыре часа, но как спросить и не выдать себя? И волнение, конечно же, отразилось на лице.

«Администратор» хмыкнул:

– Да не волнуйся ты, – будто мысли прочитал, – к вечеру будете дома. Может раньше. Александер о тебе позаботится. И да, оплата по выполнению задачи. Наличными на руки, как договорились.

Оплата? За что?

Вопросов слишком много, ответов ноль. Ещё можно сбежать, сказать, что её приняли за другую, и Ирине, как веч-

ный тугодум, открыла рот.

Но тут вновь показался он – её греческий Бог. Жёсткий, неулыбчивый Александер. В футболке, открывающей накачаные руки, с этой его неповторимой, сворачивающей её в узел, аурой.

Спросил:

– Идём?

И она, удивив себя в который раз за день, кивнула.

Они ехали за город.

Однозначно в какую-то глушь, потому что сначала кончилась городская, после сельская местность – по обочинам поплыли леса.

Ринка истерзала себя предположениями о том, что случится дальше, её фантазии попросту не хватало. К тому же страх. Пополам с возбуждением, потому что руки у водителя, лежащие на руле и рычаге переключения скоростей (по всей видимости, Александер с презрением относился к «коробкам-автоматам») были красивыми, мужскими. Как и всё остальное. Было бы верным сказать сейчас: «Я не та, за кого вы меня приняли», и тогда он, скорее всего, развернёт машину, отправит её домой.

Ирине этот крайне логичный вариант отчаянно не подходил. Будто не лез круглый шарик в фигурную квадратную

прорезь замочной скважины. Она, совершая сейчас то, чего не совершала никогда, – ехавшая с незнакомым человеком и выдававшая себя за другую личность, – вообще выпала в параллельную реальность. И язык присох к нёбу. Её раздражала новая одежда, будто на неё натянули не вещи, но чужую кожу, и теперь предстояло играть роль, как в театре. Ринка неожиданно задумалась, отчего она раньше не подумала о театральном кружке? Возможно, ей бы понравилось. Ведь быть кем-то другим подчас проще, чем собой. Не так напряжно, несерьёзно. И лишь потому, что на секунду ощутила себя кем-то иным, осмелилась спросить:

– Куда мы направляемся?

– В парк Литсау.

Литсау? Территория заповедника, где светлый «человеческий» лес переходил в дремучий. В одиночку бы она там никогда гулять не осмелилась. Людей почти нет, поселения далеки. Для чего им в парк?

– Какая у меня... роль?

– Тебе не сказали?

Водитель посмотрел на неё странно. Сначала ей в глаза, после скользнул взглядом по её напряжённым ладоням, зажатым между колен. И не поймёшь, то ли полюбовался стройными ногами, то ли испытал отвращение к распутным чулкам.

– Никогда не поздно повторить задание.

Она почти чувствовала себя той, которую играла – некой

простой и недалёкой девахой, способной носить столь короткую куртку и юбку «до пупа». Наверное, если посмотреть сзади, откроется вид на начало её ягодич. Стыд-то какой. Ирине покраснела.

– Тебе нужно будет погулять там.

Тишина в салоне.

– И всё?

– И всё.

Если спросит зачем, выдаст себя с потрохами.

– Возможно, гулять придётся какое-то время, – пояснил Александер, на профиль которого она осмеливалась смотреть крайне редко и непродолжительно, хотя нравился он ей чрезвычайно. – Час. Может, два.

Погулять – хорошо. Час-два в чужих ботфортах. Что ж, выдержит, хотя обувь как минимум на размер больше её собственной, к тому же каблуки.

– Страшно? – вдруг спросил её водитель. И она залипла в его пронизательном взгляде, серьёзном и красивом, как в аквамарине.

Нельзя говорить, что ей страшно. Если уж влезла в чужую шкуру, нужно соответствовать.

И потому покачала головой.

Александер её реакцию никак не прокомментировал, отвернулся, стал смотреть на дорогу. Но ей показалось – он не поверил.

Александр Десплат.

Он мог бы провести двое суток до отъезда на съёмной квартире. Почитать местные журналы, пощёлкать каналы, хотя они едва ли представляли для него интерес. Но он не мог. Не мог сидеть на месте после того, как наткнулся взглядом на то объявление у полицейского участка. На стенде «Разыскивается» висел портрет непримечательного мужчины с пустыми сумасшедшими глазами. Серийный убийца, восемь жертв.

Алекс зачем-то поднял по своим каналам информацию о преступлениях.

Копы гонялись за ним уже полтора года. Но изворотливый ум некоего Тамаша Истрате предвидел действия властей наперёд. Маньяки так умеют.

Наверное, Десплат мог бы пройти мимо, не заметить, забыть – не его дело. Но проблема заключалась в том, что он его *почувствовал*. Работая «тестером частот», Алекс отлично щупал пространство, эмоции, шлейфы – всё, чем чадили люди. Его работа, собственно, заключалась в другом: проверять, не воздействуют ли расположенные в местных городах порталы на земное пространство, не провоцируют ли случайные сдвиги частот. Если такое случится, забредший не туда человек может провалиться в «карман», испытать

галлюцинации, временное умопомрачение. Комиссия жёстко следила, чтобы технологии, привнесенные с Уровней, на «аборигенов» не влияли.

Десплат, ввиду высокой чувствительности, считался одним из лучших. Он ещё позавчера завершил тесты, забил результаты в базу, отправил по закрытому каналу. Сбоев не было, порталы работали штатно и на местных не влияли. Проверил безопасные зоны, ловушки «страха», которые не подпускали людей близко, сворачивали последних с ненужной дороги. Работа ему нравилась. Хотя военную службу, оставленную в прошлом, он любил тоже. Хорошо, что к «сервисникам» предъявлялись в том числе требования наличия навыков «атаки-защиты» – это мотивировало держать себя в хорошей форме. Нельзя заниматься только тем, что расслабляет, напрягаться иногда полезно.

Полицейским он решил помочь сам. На прямое вмешательство в чужие судьбы стоит запрет, но при критических условиях... В общем, сможет отбрехаться в рапорте. К тому же свербела затылок протянувшаяся от Десплата к маньяку-Истрате после взгляда на фото невидимая нить. Канал. Конечно, Александер не впрямую «преследователь» (здесь речь о «Чейзере» или «Чейзинге» как навыке охотника выслеживать жертву – прим. автора), но при его показателях он вполне мог бы после тренировок им стать.

Тамаш, так или иначе, был у него на крючке. И Алекс знал, что сегодня он появится в Литсау, чувствовал. Пото-

му еще вчера, чуть превысив полномочия, отдал приказ повесить вокруг заповедника сеть, не впускающую на территорию особ женского пола. Чтобы избежать жертв.

Сегодня Истрате будет зол, он вторые сутки ищет девушку для издевательств, в нём кипит «нужда-ярость» – именно этими словами Александер мог бы описать чёрный котел, булькающий в чужой голове.

Поэтому они позвонили в «Фабье». Чтобы нанять шлюху. Те за деньги готовы на любые риски, к тому же шлюху в случае неудачного поворота событий не так жалко...

Но сидящая на пассажирском сиденье девчонка ей не была.

И Десплат опять ощущал чужие эмоции как свои – страх, нервозность, возбуждение, растерянность. И кое-что ещё. Удивительную женственность, нетронутость, нежность. Девчонка не была опытной ни в чём. Ни в жизни, ни в сексе, ни в отношениях. Она была свежей, какой-то «цветочной», и ей совершенно не шли ни чулки, ни короткая юбка, ни потёртая куртка. А ещё она понравилась ему внешне – красивое лицо при минимуме макияжа. Правильные, мягкие, выразительные, на его взгляд, естественные черты.

Такая не могла работать в эскорте, он в это не верил. Если только... недавно пришла? Но и эта мысль его разумом отторгалась.

– Ты работаешь в «Фабье»?

Он спросил это просто так, для очередного теста. И уви-

дел то, что ожидал – мелькнувший в её глазах страх, секундную растерянность. Но пассажирка кивнула – ему хотелось улыбнуться. Её легенду он мог бы разрушить следующим вопросом: «Назови мне адрес вашего офиса», и она бы замолчала. Но зачем? По какой-то причине она к ним забрела, Тамаш на неё клюнет. Непонятно только, почему незнакомка решила поехать туда, не зная куда? Но ответ на последний вопрос уже имелся на задворках его сознания – притяжение. Он ощущал её притяжение к себе, оно щекотало его сильнее, чем её тонкие духи. И чувствовал, как раскручиваются железные болты собственных принципов. Притяжение было взаимным – это оказалось неожиданным. Не рисковать бы ей – слишком опасно. Но и коней на переправе менять не хотел. Он не допустит ни одной царапины на её теле.

Когда в кармане завибрировал телефон, когда Марк быстро, с ноткой раздражения заговорил о том, что к ним в офис только что вошла некая дама, которую задержали пробки, Десплат не удивился. Настоящая шлюха опоздала.

– Отправь её домой, – велел он Марку коротко и ощутил, как ещё сильнее напряглась в соседнем кресле девчонка. Боялась, что домой отправят её саму?

«Но... чтобы ты будешь делать с «не той»?» – возмутился Марк в трубку. Она же не в курсе, она не давала согласия! Ей даже не объяснили, во что втягивают.

На фоне возмутился прокуренный женский голос, вещал о «шалаве, которая увела бабки!».

– Буду работать с тем, что есть.

Александр не стал дожидаться новых возмущений, предложений и пожеланий. Просто нажал отбой.

И вновь погрузился в чувствование соседки, вдруг понял, что его возбуждают не её духи, но её аура. Незнакомка ощущалась ему нежным шаром, заполненным восхитительными тонкими эмоциями, перемешавшимися с нерешительностью, неумелостью, робостью. Её влечение касалось его ноздрей и подкорки мозга, как афродизиак. Болты на месте не удержать. Но он должен постараться.

Сейчас у него другая задача – опасная и довольно сложная. Он сам в неё ввязался. Всё остальное потом.

Если оно будет, «остальное».

У неё, наверное, есть парень. Возможно, жених – такие женщины не остаются в одиночестве.

Давил по краям дороги лес. Александр заставил себя переключиться – Истрате он ощущал всё ближе.

Ирине.

Кто-то звонил, кто-то кричал в трубку, и она подумала – всё. Ей прямо сейчас зададут провокационный вопрос, выведут на чистую воду и упрекнут. Она потратила чужое время, она солгала. Хуже – её спросят, куда она вообще плани-

ривала попасть, в какой офис, и Ринка не найдётся с ответом. Правду озвучить не сможет.

Но водитель был краток. Его ответы звучали обрывисто и жёстко.

«Буду работать с тем, что есть» – это о ней.

Когда Александер нажал отбой, она почему-то испытала неожиданную волну благодарности – её приключение продолжалось. Странное, возможно, опасное, но рядом с ним. И не пропал пока ворвавшийся в жизнь ветер свободы, она не могла им надышаться. Не ещё пока, не сейчас...

Литсау.

Она никогда раньше здесь не бывала, но лес ей не нравился. Их Трансильванские чащи славились мрачностью на весь мир, и городская Ринка только сейчас поняла почему. Гулять по такому – всё равно, что застрять в кошмарном сне, в потустороннем мире. Раньше яркие фразы по поводу лесного массива Хойя Бачу казались ей больше привлекающей туристов рекламой – Румыния, вампиры, граф Дракула – ей оскомину набили сувенирные календарики, магниты и плакаты. Теперь на собственной шкуре ощутилось, что атмосфера и впрямь странная.

– Долго... гулять?

– Надеюсь, нет.

Её спутник был собран, его серьёзный вид пугал. Теперь ремни, кобуры и прочие военные атрибуты его внешнего

вида казались, подходящими к месту. Но они были у него, не у неё.

– Слушай музыку, думай о приятном.

Ей вручили чей-то телефон и наушники. Она проверила собственный – сигнала здесь не было. В знакомый и уютный «Старбакс», в его оранжевые кресла, захотелось стократ сильнее.

– Просто... гулять?

– Да.

Наверное, нельзя было спрашивать так прямо, но, глядя на узкую тропку, уходящую в заповедник, Ринка поёжилась и не удержалась.

– Ты ведь... меня здесь не бросишь?

Она не доберется сама, не сможет даже вызвать такси.

– Я тебя не брошу.

Он ответил сдержанно. И серьёзность из его глаз не ушла.

«Я тебя нигде не брошу» – вот что ей померещилось. Наверное, она бы очень хотела такое услышать, пусть даже просто слова.

Какое-то время Ирине смотрела на Александра. Опять не к месту подумала, что он высок, выше неё, и это здорово. С Робертом, который выше неё лишь на пару сантиметров, каблук не наденешь. С этим можно было бы шпильки.

Ей пришлось напомнить себе про свадьбу.

– Я... пошла?

– Да. Я буду рядом. Но не в поле твоего зрения.

Ей стало легче. Легче развернуться, легче зашагать в чащу. Прежде, чем отдать себя тропинке, она надела наушники, ткнула в телефон.

Она и раньше гуляла по лесу. Не по такому дикому, конечно, и не одна – всё больше с однокурсницами. Иметь «настоящих» друзей не позволяла мать. А тут дичь: хоть и вполне светло, но ощущение от стволов мрачное. Откуда ему взяться? Тропки есть – значит, по ним ходят и люди, значит, не только медведи, значит, она не одна. Ринка попыталась вспомнить названия ближайших поселений, вызвала «гугл карты», но экран, разделённый на квадратики, как в школьной тетради, оставался пустым. Сигнала нет. Свой телефон она убрала, чтобы не разрядился, чужой включила, надела наушники.

И следующие полчаса гадала, кому принадлежит музыкальная коллекция? Александеру? Смесь лёгкого рока, альтернативы, качественной попсы. Попадались песни, которые она никогда не слышала – Ирине вчитывалась в названия групп, и память выдавала белые пятна. Либо они обе – и Ринка, и её память – отстали от моды, либо новомодные бэнды плодились слишком быстро.

А через полчаса захотелось в туалет. И еще ботфорты, неудобные и расхлябистые, неожиданно начали натирать пятки.

Ринка тушевалась. Вроде одна, вроде – не одна. Не присядешь за соседним кустом, не раскорячишься, сверкая го-

лым задом. Вдруг он увидит? Александер... И сколько ещё гулять – непонятно.

В какой-то момент тропинка закончилась, и Ирине свернула туда, где светлее, где меньше кустарников. Причитала в голове, желая вновь вывернуть на верный путь: «только бы не заблудиться». И повезло. Спустя пару минут дорожка показалась вновь, шире, идущая параллельно предыдущей. Вдохнулось свободнее.

Шаг, ещё шаг, мысли вразброд. Странноватый туман вдалеке; почему-то не кричат даже птицы.

И именно из-за неестественной тишины, которой не должно быть в лесу, Ирине отчётливо услышала, как позади хрустнула ветка. Кто-то на неё наступил.

Она обернулась и увидела то, что хотела видеть менее всего – за ней шёл человек. Невысокий, одетый во всё чёрное. Приземистый, вроде медлительный, но вроде и суетливый. Не Александер.

Что-то зловещее зависло в воздухе.

Ей захотелось ускориться.

«Бежать нельзя, – убеждала она себя, – мне ничего не угрожает. Просто мужчина из соседнего села. Рыбак, дровосек, фермер – мало ли.

«Может, постоять? Сделать вид, что уткнулась в телефон? Пропустить?» – вроде мысль логичная, но что-то подсказывало, что это плохая идея.

Она бы, вероятно, всё-таки побежала, но застыла на месте,

когда мужик её почти догнал и произнёс нараспев:

– Не убегай, красавица, всё равно не убежишь...

Она развернулась, ощущая, что потеряла способность двигаться. Некоторые в момент опасности обретают практически сверхспособности, начинают соображать быстрее, молниеносно ориентируются по ситуации. Других вдруг разбивает паралич, мыслительный и физиологический. Ирине, как оказалось, относилась к последним.

– Хорошенькая...

Мужик был странным, он Ринке совершенно не нравился. Глаза маленькие, тёмные. Будто весёлые, а будто пустые, сумасшедшие. Голодные до чего-то ужасного. Одежда вся неприметная, но удобная; вместе с ботинками на довольно высоких для мужской обуви каблуках преследователь был ниже на полголовы. Лицо в морщинах, будто его постирали и забыли расправить, прежде чем сушить; волосы редкие. И возраст не определишь – за сорок? Чуть за пятьдесят?

– Любишь с парнями поиграть, а? Судя по одежде. – Голос под стать, странно шуршащий. Как будто воздуха больше, чем звука. – Мы с тобой поиграем...

– Что... вам... нужно? – слова от страха давались Ринке с трудом.

Где Александер?

Не дай Бог он оставил её в лесу одну, ушёл по делам или просто отвлёкся.

– Мы позабавимся с тобой. Ты хорошенькая. И шлюшка...

Всё как я люблю. Вас таких надо искоренять.

«Он больной» – поняла Ирине интуитивно. С какими-то травмами детства, озлобленный на женщин, неменяемый. И ей бы бежать, но она остолбенела совершенно, не могла даже шага назад сделать.

– Уходите! – выдавила жалко и сипло, поняла, что сейчас разрыдается. От собственного бессилия, от ужаса происходящего, от неумения дать какой-либо отпор.

– Я тебя сначала потрахаю хорошенько, – к её ужасу у преследователя в руке возник нож. Большой, охотничий. – А потом буду смотреть, как стекленеют твои красивые глазки. Всё, милая, ты уже пожила, прощайся...

Наверное, осознай она досконально, что именно ей только что сказали, пропусти через себя смысл, Ринка оказалась бы объята чёрной паникой. И та навалилась бы... но в этот момент позади мужичка с тесаком показалась на тропинке другая фигура.

– Александер... – пискнула Ирине. Ей казалось, выкрикнула, на деле – лишь прошептала.

И урод, только что грозивший ей последним днём жизни, обернулся. Увидел позади себя военного, но, как ни странно, не испугался. Разозлился.

– Сначала я разделаюсь с ним, и ты будешь смотреть, – пригрозил ей, – а после буду лоскутами снимать с тебя кожу, поняла? За то, что привела за собой «свинью» ...

Она не поняла, почему «свинью» – может, так на тюрем-

ном жаргоне назывался полицейский?

– Наживка хренова...

Александр ускорил шаг, и «урод» кинулся на него первым. Принялся атаковать ножом – быстрыми, отточенными движениями. Чего Ринка не ожидала, так это того, что маньяк окажется настолько физически развитым, настолько спонтанно непредсказуемым. Ей бы никогда не выпутаться из его хватки, наложи он на неё руки, даже Александеру первые несколько мгновений пришлось уклоняться.

«Боже, он его убьёт» – думала Ринка. Она отмерла только теперь, когда по щекам полились слёзы. Её затрясло всю разом, как включенный в розетку холодильник. Бежать? Прятаться? Пытаться помочь?

Они сражались там шумно, быстро – она слышала. И искала хоть что-нибудь, чем могла бы защититься сама. Не соображая, что именно ей поможет и что она делает, отыскала на земле булыжник, кое-как выкорчевала его, выросший, из земли, подняла до груди, всхлипывая.

Его нужно будет опустить на голову маньяку. Она сможет, она должна, у неё получится. Сейчас, пока он задом...

Когда она, сморгнув слёзы, шагнула вперёд, то увидела, что преследовавший её человек висит у Александра на руке. Точнее – на ноже. Одной рукой тот держал низкорослого «урода» за шею, придушив, второй провернул лезвие у маньяка в пузе.

Ирине ошалела от странной смеси ужаса и облегчения.

Ей не придётся... самой.

– Ты его...

«... убил».

А у того, с кем она явилась в лес, голос спокойный, чёткий.

– Не убил, но отключил. С этой раной он протянет минут тридцать-сорок, а больше и не нужно. Полиция уже в пути.

Ринка выдохнула, когда мужик в чёрном соскользнул с чужого лезвия, повалился на землю лицом вверх. Оказывается, нож Александера был еще больше – закруглённым военным тесаком. С лезвия капала кровь.

– Он убил восемь девушек твоего возраста, собирался убить девятую. Пора было его «отключить». – Пауза. Взгляд на булыжник в её руках. – Этим ты собиралась мне помочь?

Взгляд на лежащего на земле мужика, осознание, что он действительно был маньяком, самым настоящим, а также измазанная в крови белая майка Александера – Ирине поплохело. Камень выскользнул из её рук, упал на хвою глухо. Сантиметром ближе – и ей бы на ноги.

А после от слабости подкосились колени.

Ринку поймали за запястье до того, как она упала, крепко сжали ладонь.

– Идти можешь?

Наверное, она могла – тут наверняка не скажешь. Нужно проверять.

– Идём.

– А он...

Она то и дело оборачивалась, пока её волокли прочь из леса. Всё боялась, что сейчас как в фильмах преследователь встанет, несмотря на рану, бросится в погоню.

– Он не поднимется.

«Может, метнёт нож...»

– Он...

– Без сознания.

– Точно?

– У меня всегда всё точно.

Она поверила. Но оборачиваться перестала только тогда, когда лежащее на земле тело скрылось из виду.

Уже в машине ей протянули плоскую флягу.

– Пей.

Напиток оказался терпким, пряным и слишком крепким. Коньяк?

– Делай глоток. Сразу не выдыхай. Выдыхай через паузу, после пей ещё.

Она не ожидала, что, следуя чужим инструкциям, выпьет всё.

Авто неслось от злополучного места прочь; им навстречу спустя минут десять пути пролетели полицейские авто с мигалками.

– Это за ним?

– За ним.

Столько вопросов... Как Александр узнал, что убийца будет разгуливать по лесу именно сегодня? Почему в Литсау? Кто позвонил в полицию? Как... вообще...

Коньяк путал мысли.

– Мы сегодня больше никого?

Она сама не поняла, что хотела спросить.

«Никого не ловим?»

– Никого, – ответил ей водитель.

И Ринка, в разуме которой медленно разжались тиски, соскользнула в сон.

* * *

Когда она проснулась, машина стояла, припаркованная в «кармане» на трассе. Они всё ещё далеко от города; над лесом, верхушки которого многоярусно виднелись с моста, догорал закат. Минут двадцать и стемнеет.

Ринка поверить не могла – она проспала так долго? Шок – не иначе. Или так сказался алкоголь? Отсутствие тряски, удобные сиденья. Хорошо, что сегодня дома нет матери, хорошо, что на конференции отец. Они бы уже звонили ей, искали, били тревогу. Тот, кто заботливо для более комфортного сна чуть откинул ей кресло, стоял на мосту, созерцал ущелье. Ирине пошевелилась. Отстегнула ремень безопасности, нащупала в подстаканнике бутылку с водой – плевать, чью, – отвинтила крышку. Пить хотелось чрезвычайно.

А после, утолив жажду, толкнула дверь; под подошвами ботфортов скрипнула смесь гальки и песка.

Она встала с ним рядом, какое-то время молчала. Поняла одновременно две вещи: на Александре чистая майка, руки больше не в крови (значит, они куда-то заезжали, он переделся). А ещё – день заканчивается. Очень странный, местами зловещий, изматывающий. И удивительный потому тот, кто сейчас стоит рядом с ней. Вечер, переходящий в ночь, унесёт с собой и незнакомца – задание завершено. Её возможно единственное приключение в жизни подошло к концу.

– Я хотел, чтобы ты поспала, – пояснил ей водитель, отвечая на незаданный вопрос. – Там впереди ремонт дороги. Ты бы проснулась.

«Поэтому мы стоим здесь»

Хорошо, что здесь, хорошо, что ещё не всё.

Ринка положила руки на пыльные перила.

– Я проспала...

– Шесть часов.

Невероятно.

– Хорошо, что не сутки, – водитель посмотрел на неё, и вдруг всё, случившееся утром, показалось ей неважным сном. Александр неуловимо пах парфюмом. Он чуть шевельнулся, и она почему-то почувствовала, насколько тугие мышцы у него под майкой. Везде.

– Я выпила весь твой... коньяк.

– Хорошо.

Наверное, и правда хорошо. Хорошо, что она, совершенно не пьющая, сумела. Не подавилась и осилила; хорошо, что поспала, сбросила с себя морок мрачного леса.

– Как ты узнал, что он будет там? – Не удержалась. Вызгало любопытство. – Ведь этот... человек мог попросту не прийти в этот день. Выбрать другой лес, парк.

– Я знал, что он там будет.

Откуда? Бессмысленно спрашивать, отчего-то она понимала.

– Знал, что справишься с ним?

– Конечно. Иначе не привёз бы тебя туда.

Ей всегда не хватало такой вот непоколебимой уверенности в своих силах. Размеренности, спокойствия, знания «я всё могу». Аура соседа завораживала.

– А почему ты... – Запнулась. Не её дело всё-таки. – Почему ты не воспользовался пистолетами?

Ведь они были в его кобуре. Целых два. Почему нож?

– Пистолетный выстрел, анализ пули, поиск оружия – всё это добавило бы копам работы. И завело бы в тупик. Нож отследить сложнее.

Ирине опять задумалась, а опустила бы камень маньяку на голову? Сумела бы? И не смогла понять, никогда не умела понимать себя заранее. Всё в её жизни оставалось неопределённым, даже собственный характер. Только тяга к Алексан-

деру прорисовалась через весь этот день столь явно, будто светящимся маркером провели сквозь пыльную карту.

– Тебе надо домой?

Ей было надо. И не надо. Ринка не знала, что сказать, только кивнула. Домой всё равно когда-нибудь придётся.

Александр Десплат

– Я слабачка, – призналась она в машине. Произнесла это тихо, сетуя на саму себя. – Я так... испугалась...

– Любая бы испугалась.

Он должен был повернуть ключ зажигания, но всё не поворачивал его. Понимал, что сейчас не время, и опять же – самое время. Их время. Смотрел на неё, опять зажавшую ладони между коленями; на капроновом чулке как самолётный выхлоп в небе протянулась ровная стрелка.

Его тяга к девчонке усилилась за день многократно, он давно в себе такого не чувствовал. Что-то тянуло Десплата к той, которая сидела на пассажирском сидении, и не давало успокоиться. Хотелось оказаться ближе, коснуться её ауры уже по-настоящему, через физический контакт. Он до сих пор не знал её имени.

Сначала он положил свою тёплую руку на её прохладные пальцы – соседка вздрогнула. После повернул к себе её лицо.

– Мне нужно сбросить напряжение. Поможешь?

Увидел, как расширились её зрачки. Услышал тихое:

– Я... не...

Конечно, «она – не». Не работает в «Фабье» и ничего ему не должна. Всё же пытается держаться чужой личины, не признаётся в том, что выдаёт себя за другую. Не будет выставлять это знание напоказ и он, сыграет по сценарию.

– Тебе за это заплачено тоже.

– Да?

Он видел эту борьбу в ней – настоящую, нешуточную. И никогда бы не стал никого принуждать, скорее – хотел просто посмотреть на реакцию.

И когда эта нерешительная скромница качнулась ему навстречу, он почувствовал две вещи – она сделала это не из-за денег. И ещё – её никто толком ни разу не касался, ни один мужчина. Тот, что был – не в счёт, он её даже не пробудил. Консервированный поток нежности и женственности скрутил Александеру гайки самоконтроля подчистую, и с первым прикосновением к её губам Десплат знал, что уже не остановится.

Ирине.

Она целовалась раньше. Но теперь понимала, что по-настоящему не целовалась никогда – чтобы в голове пожар, чтобы логика в желе. Ей уже никогда не объяснить себе, как получилось, что она оказалась в этом дне, в дне из чужой жизни, сначала в лесу, после – на обочине в машине. Ей уже

не оправдаться перед собой, но она как-нибудь оправдается перед ними – Робертом, родителями. Соврёт.

Она не могла его терять, ни в эту минуту.

Менее всего она ожидала, что Александер начнёт так мягко, так постепенно. И в те моменты, когда он делал паузы и медленно втягивал воздух, она ощущала, что он дышит ей, напивается. Один поцелуй, второй, третий – она не отлепится от него сама. Оказывается, всё это время в ней жила нимфоманка и глаза она почему-то начала открывать только сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.